

1646

2026

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ПЕСНЬ ПЕРВОГО ХАОСА

18+

Валентина Мурнова
Песнь Первого Хаоса

«Автор»

2026

Мурнова В.

Песнь Первого Хаоса / В. Мурнова — «Автор», 2026

Как далеко может зайти разум, пытаясь защитить себя от безумия? Валерия, успешный директор по аналитике в IT-компании, живет в мире строгих алгоритмов. Но что делать, когда мир перестаёт подчиняться правилам? Почему стены офиса сочатся чернильной водой, а воздух пахнет лавандой и гарью? Чей настойчивый шёпот звучит в её голове, призывая вспомнить то, чего не было в её биографии? В разгар корпоративного кризиса, когда бизнес-партнёр Артём Хаванский, начинает опасную игру против её мужа Марка, Лера настигает нечто куда более злое, чем заговор. В её снах беснуется толпа на охоте на ведьм в XVII веке, а в крови просыпается разрушительная магия Первого Хаоса. Кто такая ведьма Азизе, чьё отражение Лера видит в зеркале? Какую клятву они дали друг другу с загадочным Теоном сквозь века? И главное — кем на самом деле является Артём, если он единственный, кто способен удерживать её на грани между реальностью и Разломом? Готова ли Лера к истине, которая потребует сжечь её жизнь дотла?

© Мурнова В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Англия. Сент-Эдмундсбери.	5
Глава 2. Годы, когда я училась дышать.	9
Глава 3. Ростов на дону. Наши дни.	13
Глава 4. Уроки земли и ветра.	16
Глава 5. Блестящая клетка	18
Глава 6. Первый вдох	23
Глава 7. Барбадос. Пляж отеля «Sandy Lay».	27
Глава 8. Урок о родственных душах	32
Глава 9. Игра в тропиках	34
Глава 10. Уроки плетения	42
Глава 11. Рациональный выбор.	44
Глава 12. Урок доверия	58
Глава 13. Стекло и пепел.	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Песнь Первого Хаоса

Глава 1. Англия. Сент-Эндмундсбери.

29 октября 1646 г.

Я знала, что стану пеплом.

Не с сегодняшнего утра. Не с прошлой ночи, полной тревожных снов, где я бежала по лесу, а за мной гнались тени с лицами соседей.

Я знала это с тех пор, как бабушка, умирая, сжала мою руку своей высохшей, горячей ладонью и прошептала:

«Ты была первой, и будешь последней. Но не последней навсегда».

Мне было семь.

Я не понимала ее слов.

Я лишь чувствовала, как по щекам текут слезы, и видела, как тускнеют ее глаза — цвета спелой ежевики.

В комнате пахло сушеной лавандой, мазями и тишиной, которая бывает только перед вечным сном.

Она умерла, унося с собой шепот звезд и тайные знания наших кровей.

И ее слова ушли вглубь, как семя в холодную землю, чтобы прорасти позже.

Способности стали проявляться сразу после ее смерти. Сначала — испуганно, обрывками.

Я могла прикоснуться к больной овце — и почувствовать ее боль жгучей иглой в собственном боку.

Ветер начинал нашептывать мне не просто слова, а целые истории о людях, которых я никогда не видела.

А однажды, прикоснувшись к старому дубу на опушке, я ощутила на языке соленую пыль будущего — тот самый пепел, что сейчас застилает мне горло.

Но все изменилось после встречи с ним.

Я видела все пути. Все реки, что текут из источника нашего проклятия.

Не один.

Не «возможно так».

Все.

В одном мы бежали с Теоном. И через несколько месяцев он умирал у меня на руках, его тело разрывало изнутри древним заклятьем.

В другом: Охота на ведьм, не лишившись своей главной цели, обрушивалась с удесятельной яростью на других. Их бы жгли, топили, ломали на дыбе. Моих детей.

И только в одном, этом, где я стояла, привязанная к смоляному столбу, был шанс. Шанс, что моя громкая, добровольная жертва, мое признание в том, что я — источник и корень всего, заставит охотников поверить: главное зло уничтожено. Что остальные — просто бледные тени, не стоящие внимания. Я должна была отвлечь огонь на себя. Принять его всю боль, чтобы дать им, моим детям, время. Время спрятаться, время выжить, время дожидаться того дня, когда мир станет иным.

Поэтому я шла сюда сама, как идет мать, приносящая себя в жертву за своих детей — с тяжелым, но твердым сердцем.

Меня вели по грязи площади. Веревки впивались в запястья, и я чувствовала каждое грубое волокно, каждый узел. Но это была не боль пленницы. Это было последнее, острое ощущение плоти, которую я добровольно отдавала огню.

Дождь моросил, и каждая капля на моем лице была как поцелуй прощания от этого мира. Я подняла лицо к небу, впитывая его влажную прохладу.

Вокруг — море лиц. Искажённых страхом, злобой, любопытством. Они не видели во мне Азизе, знавшую секреты целебных трав. Они видели монстра, которого можно уничтожить. И я прощала их. Как можно винить слепца за то, что он не видит солнца? Они просто не ведают, что магия — это не власть. Это любовь к жизни настолько полная, что ты обретаешь силу умереть за нее.

Потом я увидела ее.

Мать.

Стоит у края толпы, вжавшись в толчею, будто стараясь стать невидимой.

Ее пальцы, побелевшие от напряжения, сжимают ивовую трость — ту самую, что вырезал мне отец перед смертью.

Я до сих пор помню запах свежей древесины и шершавость коры под его пальцами.

Ее плечи мелко дрожат, а губы, обветренные и потрескавшиеся, шепчут не «Отче наш», а старую, как сами холмы, молитву:

«Пусть земля примет тебя мягко, дитя мое. Пусть звезды укажут путь обратно».

А потом... я вижу его.

Теон.

Он стоит в толпе, замерший, как призрак, закутанный в серый плащ, пепельного цвета. Он пытается стереться с этого мира, не дышать одним воздухом со мной. Его руки в перчатках — он даже не позволяет себе коснуться ветра, что треплет мои волосы.

Но глаза...

Боги, его глаза.

В них — не только ужас перед костром. В них — ужас перед собственным отражением. В них читалась вселенная отчаяния. Он смотрел на меня, и я чувствовала его мысли, как будто они были моими собственными.

— Ты не дала мне выбрать, — его мысль обожгла меня. — Ты решила за нас двоих. Помнишь, ты говорила: мы — одна душа в двух телах? Так вот, сейчас ты отрываешь половину себя и бросаешь в огонь. А мне оставляешь догорать здесь, в одиночестве. Ты не имела права, Азизе. Не имела права решать за нас двоих.

— Другого выхода не было, Теон, — послала я ему в ответ, вкладывая в мысль всю свою нежность и прощание. — Этот путь был единственным, где ты останешься жив, где они остаются живы. Где мы получаем шанс разрушить проклятие. Я выбираю не смерть. Я выбираю наше будущее. Наши пути разошлись здесь. Но однажды они сойдутся снова.

Я видела, как он вздрогнул, услышав мои мысли. Его пальцы сжались, и он сделал шаг вперед, но люди вокруг не дали ему пройти. Судьба, которую я выбрала, уже смыкалась вокруг нас.

Палач подошел. Его факел плясал в дождевом мареве. В его взгляде — ни ненависти, ни сочувствия, лишь скучная рутина.

— Ведьма! — его голос прозвучал хрипло. — Какими будут твои последние слова?

Я сделала глубокий вдох, наполняя легкие влажным воздухом, запахом страха и земли. Я говорила не для него. Я говорила для Теона. Для всех моих детей, чьи души трепетали в этом мире.

— Я — Азизе! — мой голос прозвучал чисто и громко, заглушая шепот толпы. — Я дитя ветра, порожденная рекой и шумом в горах. Перевоплощение Аэлии, дитя хаоса и настоящей, и самой чистой любви. Я ухожу ради своих детей! Чтобы их дыхание смешивалось с ветром, а смех был слышен звездам. Вы можете сжечь мое тело, но вы не убьете семя, что я в них посеяла. Однажды оно прорастет — и любовь окажется сильнее вашего страха. Я прощаю вас и отпускаю вашу ненависть с любовью.

Палач наклонился, и его факел с шипящим выдохом коснулся хвороста у моих ног.
Я глубоко вдохнула, ловя последние запахи этого мира.
Пахло мокрой землей, гнилой соломой, потом страха...
И вдруг — лавандой.
Резкой, сладкой, невыносимо живой.
Кто-то бросил веточку в костер.
Может, мать. Может, сама душа земли послала мне утешение.
Пламя вспыхнуло, взметнулось вверх, готовое пожрать меня.
Но в тот же миг что-то внутри меня — там, где жила моя песнь, моя сила, моя любовь к нему — отозвалось. И тело мое окутало синее пламя.

Оно не жгло. Оно защищало.

Я видела, как обычный огонь отступает, не в силах пробиться сквозь эту древнюю, первозданную мощь. Глаза толпы расширились от ужаса — они видели подтверждение тому, что считали правдой: ведьма действительно отмечена дьяволом.

Но я знала правду. Это была не тьма. Это был свет из того мира, где мы когда-то были единым целым. Где не было охотников, костров и страха.

Я подняла глаза и нашла его в толпе. Теон стоял, вцепившись в плечи стоящих впереди, его лицо было белым как снег.

— Теон! — крикнула я, и мой голос разнесся над площадью, заглушая треск огня. — Ты мой якорь! Пока твои руки помнят мои прикосновения, пока ты носишь эту боль в груди, я не исчезну в пустоту!

Он рванулся вперед, но толпа держала его, не пуская.

— Ищи меня в разломе между жизнью и смертью! — продолжала я, чувствуя, как синее пламя начинает угасать, отдавая последние силы моей песне. — Через сто, через триста лет! Не дай мне утонуть в той реке. Ты вспомнишь меня по этому взгляду! Ты найдешь меня в любой из жизней!

Я пела.

Тихо, почти беззвучно, только для него. Строчки той самой песни, что пела Аэлия в начале времен, взывая к нашей сути:

«И этот свет найдет тебя,

Если ты забудешь форму моих губ...

Потому что я — твой первый вдох и твой последний звук».

Синее пламя погасло.

И тогда пришел настоящий огонь.

Он впился в мою кожу, взбираясь по ногам, разрывая плоть. Я закричала — не от боли, а от того, что больше не видела его лица, скрытого за слезами и дымом.

Последним, что я почувствовала перед тем, как мир распался на искры и пепел, был не жар костра. А тихое, непоколебимое тепло в груди — тепло, которое ни один огонь не в силах уничтожить.

Потом — вспышка.

Не тьма.

А ослепительный, беззвучный свет, разрывающий ткань времени.

Ростов-на-Дону. 29 октября 2025 года. 6:17 утра.

Будильник орет. Не поет. Не шепчет. Орет — как будто требует выкуп за мою жизнь.

Я резко сажусь, хватаясь за горло. В нем — ком, будто я только что глотала дым. Сердце колотится так, будто пытается вырваться из груди и убежать куда-то туда, где еще пахнет лавандой и горит костер.

Но вокруг — не площадь Сент-Эдмундсбери. А моя двухкомнатная квартира в новостройке на Левенцовке. Та самая, что я купила в ипотеку, и за которую я платила пер-

вые пять лет своей карьеры. Стены — серо-голубого цвета, как море перед штормом. Книжные полки до потолка, забитые не только профессиональной литературой, но и потрепанными корешками любимых романов. Над диваном — абстрактная картина, которую я купила на выставке никому не известной художницы, потому что в ее мазках увидела бурю. На кухонном подоконнике — герань, упрямо цветущая вопреки ростовской экологии. Пахнет не дорогим парфюмом, а свежесваренным кофе из капсульной кофеварки и моим шампунем с запахом ванили.

Я смотрю в зеркало. Под глазами — тени, как будто я всю ночь бежала от палача. На шее — ничего. Ни кулона, ни красной нити. Только цепочка от «Тиффани», подарок Марка на помолвку. *«Это украшение соответствует статусу моей невесты, не забывай, кем ты должна быть»*, — сказал он.

Но кто же я?

Я Лера. Мне 31.

Бизнес партнер IT-компании «NeSoft».

KPI моей команды — 120%.

Мой жених — Марк, генеральный директор этой же компании. Он любит цифры так же, как я люблю стабильность.

Наш брак — не роман, а стратегический альянс. Два человека, которые ценят время, деньги и отсутствие драмы.

Я не верю в магию.

Не верю в ведьм.

Не верю в пророков, маятники, «энергетику мест» и «духовные блоки».

Когда в голове шепчет ветер — это не подсказка Вселенной, а тревожное расстройство.

Когда сердце сжимается при виде чужой боли — это эмпатия, а не дар.

Когда снятся костры и женщина в пламени — это остаточные явления после просмотра «Битвы экстрасенсов», в ожидании, пока Марк закончит очередной созвон с инвесторами.

Да, иногда я ловлю себя на мысли, что чувствую слишком много.

Иногда, я просыпаюсь от собственного крика, потому что во сне слышала, как плачет ребенок за три улицы от нашего дома.

Иногда, я знаю, кто сейчас звонит, еще до того, как перевернула телефон.

Но я подавляю это.

Потому что в этом мире чувствительность — слабость. А слабость — не вписывается в резюме.

Потому что в этом мире не существует магии.

Зато существует биполярное расстройство. В резюме, конечно, оно тоже не вписывается, но зато отлично вписывается в медкарту психиатра.

Вот только мое расстройство не совсем стандартное — у него есть имя.

Мое расстройство зовут Азизе.

Глава 2. Годы, когда я училась дышать.

Азизе. 7 лет.

Сент-Эдмундсбери. 1633–1634 годы.

Когда бабушка умерла, время сломалось. Оно текло не по часам — песочные часы стояли на полке, в них застряла пыль, — а по-другому. По тому, как длинно тянется тень от печки по полу. По тому, как ветер завывает в щели одну и ту же песню — бабушкину колыбельную.

Мне было семь. Бабушка уснула и не проснулась в ту ночь, когда луна заглядывала в наше окошко круглым-круглым лицом. Ее закопали под большим дубом, там, где она учила меня слушать, как дерево растет, прижав ухо к коре. Я сидела на могиле одна. Земля была холодная и колючая, будто в нее подмешали иголки от елки. Ветер шумел в голых ветках, а большая черная птица кричала так громко, словно плакала. Пахло мокрой землей, мертвыми листьями и... пустотой. Такой тихой, что в ушах звенело.

Я долго не выходила из избы. Сидела у огня и смотрела, как танцуют язычки пламени. Мама ходила тихая, и от нее пахло слезами. В доме было так тихо, что стало страшно. Бабушка всегда что-то напевала, или шептала с травами, или смеялась. А теперь тишина давила, как тяжелое одеяло. И по ночам было холодно и пусто, потому что не слышно было бабушкиного ровного дыхания.

Меня будто что-то позвало. Сначала я не понимала что. Просто стало так тесно в нашей горнице, что сердце заколотилось, и я побежала. Побежала к реке — в то единственное место, где мы с бабушкой всегда были вдвоем.

Туман ползал по земле и хватал меня за подол платья мокрыми лапками. На берегу, скользком от мха, со мной случилось чудо.

Я опустила руку в воду. Она была ледяная, кусачая. И вдруг... я почувствовала, как река стучит. Не я стучусь сердцем, а она. Большое, мокрое сердце реки билось у меня в ладони. Оно было грустное от сломанной ветки, которая в него упала, и немножко веселое — наверное, думало о весне.

Я отдернула руку и заплакала. Мне было не страшно. Мне стало безопасно... как дома. Это был тот же стук, что и у бабушки в груди, когда я засыпала у нее на руках.

С тех пор я стала ходить к реке каждый день. Сначала просто сидела на камне, который был гладкий, как щека. Потом трогала воду рукой, а потом и лбом. Говорила с ней. Шептала, что мне одиноко, что я боюсь, что наша кровать теперь большая и холодная.

А река отвечала. Не словами.

— Если рыбка плеснется — значит, «не бойся».

— Если вода крутится у камня — значит, «подожди немножко».

— Если она тихо-тихо журчит — значит, «я с тобой».

Потом я научилась разговаривать с деревьями, просто прикладывая к ним ладошки. Дуб был твердый и терпеливый, как старый солдат. Ива — ласковая, ее ветви гладили меня по волосам. А береза была чистая-чистая, даже в грязи, будто в белом платье.

Зимой я смотрела на звезды. Лежала в сугробе, завернувшись в бабушкин грубый, но теплый шерстяной плащ, и смотрела вверх. Одна звезда, самая яркая, подмигивала мне. Бабушка говорила, что это глаз наших предков. Я просила у нее совета, а мороз потом щипал мне губы за разговоры.

Иногда бабушка приходила ко мне во сне. Она была теплая и пахла солнцем и сушеными яблоками. А иногда ответ приносила красногрудая птичка, что садилась на обледеневший пруттик.

Весной я пошла собирать травы. Я не знала, какие от чего. Я просто подходила к каждому кустику и тихонько спрашивала: «Можно?» И ждала. Если в животе становилось тепло

и спокойно — значит, «да». Я тогда кланялась и брала немного. А если нет — оставляла на земле красивую шишку или ягоду.

Я ни от кого не прятала свой дар. Я даже не знала, что это дар. Это было просто частью меня, как мои веснушки или как умение смеяться. Я слышала, как земля вздыхает, когда по ней едет телега. Я знала, что реке больно, когда в нее кидают грязь. Я видела, как звезды спускаются ночью, чтобы укрыть детей одеялом из лунного света. Я чувствовала, когда кому-то было грустно, и мне тоже становилось грустно. Но я не боялась. Это было как дождик или как солнце — просто шло и шло ко мне.

Мне только исполнилось восемь.

Лето стояло знойное. Воздух над полями колыхался от жары, будто дрожал.

Я играла у околицы с деревянной куклой, которую вырезал мне отец — у нее были грубые черты лица и волосы из конского хвоста.

Вдруг — отчаянные крики.

Это был сын судьбы, мальчик с важным именем, которое я всегда забывала. Он упал с высокой телеги. Тяжелое колесо проехало ему по ноге.

Я подбежала.

Люди уже столпились вокруг, но в их движениях была не просто суета, а какой-то испуганный трепет. Из его ноги торчало что-то белое и острое, похожее на мокрую щепку.

Кровь растекалась по пыли темно-алым пятном, которое становилось все больше.

Его мать, вся в дорогом платье, заливалась слезами, а мужчины суетились, боялись даже прикоснуться.

Я не думала.

Руки сами потянулись к его ноге.

И в тот миг, прежде чем боль и страх накрыли меня, я почувствовала что-то еще — странное тепло, которое побежало от моих пальцев вглубь, будто я нашла что-то потерянное и очень важное, хотя и не знала что.

Едва пальцы коснулись липкой от крови кожи — в голове у меня что-то громко стукнуло.

Мне показалось, что это моя нога сломана.

Я почувствовала, как эти белые осколки впиваются в меня.

А еще, я почувствовала его страх — не просто детский испуг, а что-то острее, и сквозь него — его гордость, такую же острую, как обломок кости.

Меня бросило в жар.

— Отойди, дитя! Не мешай! — кто-то грубо отталкивает меня.

Но я вырываюсь.

Снова прижимаю ладони к его ране и зашептываю.

Не молитву, как бабушка в церкви.

А те странные, убаюкивающие звуки, которым меня научил шепот реки.

Я просила его ногу стать целой, чтобы боль ушла, чтобы кровь перестала течь.

Я шептала, глядя на его бледное, искаженное болью лицо, и мне вдруг так сильно захотелось, чтобы он выжил. Просто потому, что он должен жить.

И случилось необъяснимое.

Кровь перестала сочиться.

Мальчик перестал кричать.

Его дыхание стало ровным и глубоким, будто он уснул.

А на моих ладонях остались красные следы — не кровь, а будто сама боль обожгла мне кожу, смешавшись с тем странным теплом.

Вокруг все замолчали.

Сначала на меня смотрели с облегчением, но потом их взгляды стали тяжелыми и колющими.

Испуг сменился недоверием, а потом — страхом.

Они смотрели на меня не как на ребенка, который помог, а как на нечто чужое и непонятное.

В их глазах я прочитала один вопрос: «Что это за чертовщина?»

Матушка, бледная как полотно, схватила меня за руку и увела домой. Она не плакала, не ругала, просто двигалась как тень. Накормила меня и уложила в постель, а сама села у печи и замерла, уставившись в одну точку.

Я не могла уснуть и пролежала, глядя в потолок, пока за окном не стемнело окончательно. Сквозь дремоту мне почудились приглушенные голоса у нашего порога. Я прислушалась. Это были голоса матушки и еще одной женщины — низкий, твердый, знакомый до мурашек. Голос тетки Аглаи.

— Она же просто видящая, — с надрывом говорила матушка. — Как она смогла исцелить того мальчишку? Откуда у нее такая сила?

— Возможно, он и есть ее якорь, часть ее хаоса, — спокойно ответила Аглая.

— Сын судьи? — матушка чуть не закричала, но тут же понизила голос до шепота. — Ты вообще понимаешь, что это значит? Они сожгут ее, как только он очнется и начнет говорить!

— Мы ничего не знаем наверняка. Она всегда пробуждается в воде. Может, это просто совпадение, что кровь остановилась. Может быть, это не она помогла мальчику...

— Как бы там ни было, они начнут искать ее по деревне с рассветом. Мы должны ее спрятать. До восхода солнца.

— Хорошо, я соберу ее вещи. Мы доберемся до Вас сами.

На рассвете меня разбудили.

— Одевайся тепло, — сказала матушка, и голос ее был чужим и простуженным. Она не смотрела на меня.

Но по ее глазам я все поняла. Тот разговор ночью был страшнее любых криков.

Матушка, у которой не было моего дара, каким-то другим чутьем знала: если я останусь здесь, со мной случится то, о чем они шептались.

Мы шли темными лесными тропами, обходя деревню стороной.

Матушка так крепко сжимала мою руку, что мне стало больно, будто она боялась, что я растворюсь в утреннем воздухе.

Я молчала и думала о мальчике с бледным лицом. О том странном тепле, что осталось на моих ладонях. И о страшном слове «Хаос», которое я услышала впервые.

Тетка Аглая ждала нас на пороге своего дома на отшибе другой деревни, низкого, приземистого, с крышей, поросшей мхом.

Она посмотрела на меня своими глазами цвета зимнего ночного неба, и в них не было вопроса — лишь тяжелое знание.

— Испугалась? — спросила она у матушки, не здороваясь.

— Не за себя, — тихо ответила мать. — За нее. Спаси ее, сестра. Научи, как выживать в этом мире.

Больше они не сказали ни слова.

Матушка, не в силах вынести прощания, лишь судорожно сжала мое плечо, развернулась и быстро зашагала прочь.

Я осталась стоять на пороге, восьмилетняя, с руками, которые все еще горели, и с сердцем, полным обрывков ночного шепота: «видящая», «хаос», «якорь».

Тетка Аглая положила свою твердую, узловатую ладонь мне на голову.

— Войди, дитя, — сказала она. — Сказки кончились. Начинается твое настоящее детство.

И дверь захлопнулась. Отделив меня от всего, что я знала.

Впереди были пять лет учения — не в школе, а в тишине, в боли, в силе.

В обществе таких же, как я: последних ведьм Олдвуда.

Глава 3. Ростов на дону. Наши дни.

31 октября 2025 года. 7:03 утра.

Звук будильника я уже заглушила.

Но этот сон снова не отпускает. Он вцепился в меня когтями, оставив на коже мурашки.

В ушах все еще звенит та самая песня — та, что пела ведьма в огне. Мелодия, от которой сжимается живот и хочется плакать от тоски по чужой, давно отгоревшей жизни.

А в горле — привкус дыма и лаванды. Противный, навязчивый, как правда, которую не выразишь.

Я лежу, глядя в потолок, и думаю: «Если бы я могла остаться там, даже в агонии — я бы осталась. Потому что в той жизни я хотя бы чувствовала. А здесь я просто функционирую». Но дверь открывается без стука. Мои личные «Сент-Эдмундсбери» заканчиваются ровно в 7:03.

— Доброе утро, Лера, — говорит Марк, входя с двумя стаканами смузи в руках. Символично. Два стакана. Один для него, один для той, кем я должна быть.

Он всегда знает, когда я просыпаюсь. Не потому что чувствует мое беспокойство сквозь стену. А потому что, в моей квартире, во всех помещениях стоят камеры с ИИ-аналитикой сна, для тестирования работы той самой аналитики. Как символично.

Марк — идеален. Слишком идеален, чтобы быть живым. Как манекен из бутика роскоши. Рост под два метра, плечи, будто выточенные для костюмов от Tom Ford, лицо с четкими скулами и взглядом, который не спрашивает — а знает точно что и когда я должна сделать, в какое время и где должна быть, и главное, в чем я буду одета. Особенно в чем.

Сегодня на нем белоснежная рубашка, без единой складки, темно-синие брюки и лоферы, которые, кажется, никогда не касались земли. Возможно, он парит в сантиметре от пола, и я просто этого не заметила. Даже волосы лежат так, будто их уложил не фен, а воля к порядку. Его собственная.

Он ставит стакан рядом с моей тумбочкой.

— Зеленый. Спирулина, авокадо, овсяное молоко. Ты просила «легкий».

«Ага...*Легкий, как моя жизнь*» — мысленно досказываю я.

— Спасибо, — говорю я, не глядя на него. Смузи на вкус как жидкая трава. Или как мои утренние мысли после кошмаров — горькие и полезные против воли.

Он садится на край кровати, кладет руку на мое колено — не нежно, а утверждающе. Как на ручке кресла в своем кабинете. «*Это мое*».

— Сегодня плотный день. В девять — совещание с клиентом из Казани. В два — забираем мой костюм для помолвки. И твое платье.

Он делает паузу. Та самая, перед вынесением приговора об увольнении своим сотрудникам.

— И, кстати, насчет твоего платья... — Он достал телефон, пролистал галерею и показал мне снимок. Платье из жидкого шелка цвета магнолии на тонких бретелях струилось по манекену, открывая плечи и собираясь у пола тяжелой волной. Безликое. Сдержанное. Очень дорогое. Прямо как гроб для моей индивидуальности, только из шелка.

Я молчу. Внутри все сжимается в комок. То платье, что я выбрала — с вышивкой, напоминающей полевые цветы, с открытой спиной — было крошечным актом неповиновения. Казалось, в его складках прятался шепот ветра с тех самых полей.

— Тот твой вариант с открытой спиной и цветочной вышивкой выглядит легкомысленно. Я отменил заказ. Выбрал это.

«*Легкомысленно. Ага. Пятьсот лет назад меня сожгли за то, что я была недостаточно легкомысленной*», — ядовито думаю я.

— Это... красивое, — выдыхаю я, потому что это безопасно. Самое безопасное слово в моем лексиконе.

— Оно подчеркнет твою фигуру. И покажет, что ты — моя невеста, а не офисный клерк в кардигане.

Он улыбается. Но в глазах — не нежность, а расчет. Как будто я — очередной актив в его портфолио, и мне пора продемонстрировать рост.

— Я забронировал бутик. Я знаю, что у тебя психолог сегодня в 15:00, поэтому я записал тебя после. Примерка сегодня в 17:30. Я пришлю водителя к клинике.

— Хорошо, — говорю я. Слово-капитуляция.

Потому что спорить — значит устраивать сцену. Сцены — это потеря времени и нервов. Время Марка — дорогое. А мои нервы, еще дороже.

Он целует меня в висок — быстро, как подпись в контракте.

— Умница. Я знал, что ты поймешь.

И выходит, оставив за собой запах дорогого парфюма и абсолютной уверенности в своей правоте. Запах, который должен быть афродизиак, а пахнет тюрьмой.

13:47. Офис «NeSoft».

Я провела три презентации. Отточенные, как клинки. Говорила правильные слова, улыбалась правильной улыбкой.

Закрывает две сделки. Получила одобрение от Марка (он кивнул, когда я проходила мимо его кабинета, его высшая форма похвалы).

KPI моей команды сегодня — 127%.

Я — идеальный сотрудник. Идеальная невеста. Идеально отлаженный механизм.

Но внутри — пустота, гулкая, как пещера. Как будто я играю роль в чужом фильме, и режиссер даже не удосужился дать мне текст — только табличку с KPI и планы на день.

И я не знаю, когда начнется моя реплика. И начнется ли вообще? Может, ее и не было, той самой «реплики»? Может, Азизе была последней, кто мог говорить открыто?

15:15. Кабинет психолога.

Доктор Елена Игоревна — милая женщина лет сорока, с мягким голосом и дипломом из МИПа на стене. Она не верит в «прошлые жизни». Но свято верит в когнитивные искажения и выгорание. Для нее моя душа, мечущаяся между веками, — это просто «симптом».

— Расскажите, что Вас тревожит сегодня? — спрашивает она, поправляя очки.

Я колеблюсь. Стоит ли снова? Но молчание давит сильнее.

— Мне снова снились эти... странные сны. О кострах. О женщине, которая поет перед смертью. Я чувствую ее боль, как свою. Ее последний вздох. Запах ее горящих волос. И еще... я все чаще думаю, что живу не своей жизнью. Что помолвка — это... ошибка. Что я ношу чужое платье, говорю чужие слова, дышу чужим воздухом. И боюсь, что однажды просто перестану дышать.

Доктор кивает с сочувствием, которое, кажется, выучено по учебнику.

— Это очень распространенное состояние, Валерия. Особенно у женщин в твоем положении: высокая нагрузка, ответственность, давление со стороны партнера... Ты перегружена. Твой мозг ищет выход через яркие, архетипические символы — костры, смерть, прошлое. Это классическая метафора внутреннего выгорания. Ваше подсознание кричит о том, что ему тесно.

Она делает паузу, смотрит на меня с мягким, но непоколебимым профессионализмом.

— Я бы порекомендовала сходить к психиатру. Наши беседы, последнее время, не дают достаточного облегчения. Вам стоит рассмотреть альтернативные варианты, например, антидепрессанты. Не как «лекарство от колдовской силы», — она улыбается, думая, что это милая шутка, — а как поддержка для перегруженной нервной системы.

«От колдовской силы», — повторяю я про себя. Какая ирония. Может, стоило попросить рецепт на мандрагору и крылья летучей мыши?

— Я совсем поехавшая, Елена Игоревна? — говорю я вслух тихо, и голос мой звучит хрупко, как старинное стекло.

— Конечно, нет, Валерия, — мягко отвечает она. — Но Вы — очень чувствительная. А в этом мире чувствительность, увы, часто путают с болезнью. Таблетки просто помогут Вашей нервной системе меньше «шуметь».

Я киваю. Потому что это проще, чем объяснять, что это не «шум». Это шепот. Шепот из другого времени, и с каждым днем он становится все громче.

16:15. Улица.

Lixiang с личным водителем ждал меня у входа.

На телефоне — сообщение от Марка:

«Лера, как встреча с психологом? Надеюсь, ты не забыла про примерку? Там будет фотограф из «Cosmo», сделает пару снимков для статьи. Не забывай улыбаться. Все должны видеть мою невесту счастливой, а не измученной после рабочего дня или страдающей от депрессии.»

Я смотрю на свое отражение в тонированном стекле машины.

Черное пальто. Бордовая помада. Ни одного намека на ту свободную девочку, что босиком бегала по росе и слушала реку. Ни одного следа от ведьмы, что горела за свою правду в 17 веке. Но в глазах — тень. Та самая, что не дает мне забыть:

«Ты не здесь. Ты — где-то между жизнью и смертью, в чистилище из календаря Google и КРП. И однажды, Азизе, эта клетка не выдержит, и разорвет твою идеально выстроенную вселенную, а пепел развеет по ветру»

Глава 4. Уроки земли и ветра.

Олдвуд. 5 ноября 1635 год.

Мне девять лет.

И по странному счету тети Аглаи я уже почти взрослая.

— Детство — роскошь, которую наши души не могут себе позволить, дитя, — говорит она. — Чем раньше ты научишься носить свою силу, тем дольше проживешь в этом мире. Но иногда, в редкие тихие мгновения, я позволяю себе быть просто девочкой.

Наш дом в Олдвуде — не дом, а целый мир, спрятанный от чужих глаз. Он похож на большое, приземистое животное, прилегшее отдохнуть в чаще, обросшее мхом, плющом и жимолостью. Из трубы почти всегда идет дым — не от страха, а от сушащихся трав, варящихся отваров и вечно тлеющих в очаге углей.

Здесь пахнет не бедностью и страхом, как в Сент-Эдмундсбери, а могуществом: землей, кореньями, дымом и чем-то неуловимо живым, что щекочет ноздри — самой магией.

Иногда по ночам я все еще плачу.

Мне снится мама — ее теплые руки, запах хлеба из нашей печи, ее тихий смех над моими глупыми шутками. Я просыпаюсь с ее именем на губах и долго лежу, глядя в потолок, пока сердце не перестанет ныть.

Я скучаю по бабушке — по ее голосу, который объяснял мне язык ветра, по ее ладони, что гладила мои волосы, когда я боялась грозы.

Но здесь, среди этих женщин, тоска становится не такой острой. Она похожа на старый шрам — не болит, но напоминает о себе в непогоду.

Мейв, Элоди и Сигрид стали мне сестрами. Настоящими. Мы не связаны кровью, но связаны чем-то более крепким — общим знанием, общим страхом и общей силой, что прячется в наших жилах.

С Мейв, высокой и молчаливой, мы ходим в лес за грибами. Она учит меня не просто отличать съедобный от ядовитого, а слушать, о чем шепчется грибница под землей.

— Земля помнит все, — говорит она. — Каждую каплю крови, каждую слезу. И если попросить вежливо, она поделится с тобой своим знанием.

Элоди, рыжая и стремительная, научила меня понимать зверей. Не говорить с ними — а чувствовать.

— Вот белка на сосне тревожно цокает — она не просто кричит, она предупреждает лес о приближении рыси.

— А вот мышь под полом бежит не просто так, а потому что чует, как остывает земля, и спешит к своим.

— Все живое связано одной нитью, Азизе, — говорит Элоди, и ее зеленые глаза сверкают. — Ты лишь должна найти свой узелок на этой нити.

Сигрид, всего на четыре года старше меня, учит меня терпению. У ее горна я провожу долгие часы, наблюдая, как металл плавится, краснеет, становится податливым. Она выковывает не просто гвозди или подковы, а маленькие, изящные вещицы — броши в виде папоротника, колечки с узором из волны.

— Сила — не в грубой мощи, — шепчет она, пока молот опускается на раскаленное железо. — А в умении придать ей форму. Сделать ее красивой. Потому что красивое меньше боится.

Но главная моя наставница — тетя Аглая.

Сегодня она разбудила меня на рассвете.

— Сегодня, племянница, я научу тебя самому важному, — сказала она, ее глаза были серьезны. — Ты научилась слышать. Теперь научись заглушать этот шум.

Мы вышли из дома босиком.

Роса на траве была ледяной, но приятной.

Она привела меня на поляну, где трава была особенно густой и сочной.

— Ложись, — приказала тетя. — Закрой глаза. И представь, что из твоих ступней, из копчика, из ладоней в землю прорастают корни. Глубоко-глубоко.

Я легла. Спина вжалась в прохладную, влажную землю.

Я зажмурилась, пытаюсь представить эти корни.

— Не представляй, — тут же поправила меня тетя Аглая. — Почувствуй. Почувствуй тяжесть. Тяжесть тела, тяжесть земли. Позволь ей принять твой вес.

Я расслабилась.

Сначала я чувствовала только холод и колющие травинки.

Потом... потом я ощутила нечто иное. Тихую, мощную вибрацию, идущую из самых недр. Это было похоже на сердцебиение — но не человека, а самого мира.

Медленное. Вечное.

— Ты чувствуешь? — голос тети донесся будто издалека. — Это сила земли. Она не добрая и не злая. Она просто есть. И ты можешь отдать ей все, что тебя тяготит. Весь шум в голове. Весь страх. Всю чужую боль, что ты впитала у мира. Отдай это земле. Она умеет перерабатывать все.

Я попробовала. Мысленно собрала в комок тот самый страх, что сковал меня, когда я увидела переломанную ногу мальчика. Собрала тоску по дому. И отправила это вниз, по воображаемым корням.

И случилось чудо.

Грудь расправилась.

Дышать стало легче.

А в пальцах ног заструилось приятное, теплое покалывание — будто земля в ответ послала мне утешение.

— Это и есть заземление, — сказала тетя Аглая, когда я наконец открыла глаза. — Самый важный щит. Мир будет бросать в тебя свои стрелы — страх, гнев, боль. Твоя задача — не поймать их, а пропустить сквозь себя и отдать земле. Иначе они отравят тебя изнутри. Запомни: самая сильная защита, дитя — не стена, а умение быть рекой, через которую все течет.

Мы молча шли обратно к дому.

Я шагала, все еще чувствуя под босыми ногами тот живой, дышащий пульс.

Я не была просто Азизе — маленькой девочкой вдали от дома.

Я была частью чего-то огромного и древнего.

Я была ведьмой.

И пока я помнила об этом, никакой костер не был мне страшен.

По крайней мере, так мне тогда казалось.

Глава 5. Блестящая клетка

5 ноября 2025 года. Ресторан «Беллависта».

Ресторан «Беллависта» был превращен в хрустальную шкатулку для нашей помолвки.

Все было безупречно, бездушно и чертовски дорого.

Сводчатые потолки тонули в гирляндах из живых орхидей и светодиодных «звезд», которые должны были создавать «эффект ночного неба», но напоминали мне скорее щупальца инопланетного существа.

Столы ломились от изысканных закусок, названия которых я не могла выговорить.

В огромных хрустальных бокалах искрилось шампанское за полмиллиона за бутылку.

В воздухе витал густой коктейль из дорогих духов, притворного восхищения и холодной расчетливости.

Гостей было человек двести. Я знала по именам от силы двадцать. Остальные — сливки ростовского и московского бизнес-бомонда, их жены с гладкими, как кукольный фарфор, лицами, политики и инвесторы с прилипчивыми, насквозь фальшивыми улыбками.

Они подходили, говорили правильные слова, а их глаза скользили по мне, оценивая, как очередной актив Марка: «Молодая. Привлекательная. Перспективная. Умная».

Пресса щелкала камерами:

«Валерия, посмотрите сюда, посмотрите туда!»

Мои родители стояли в углу, будто два перепуганных воробья в стае павлинов.

Папа — в своем самом лучшем костюме, который он купил специально для этого вечера.

Мама — в платье, которое мы с ней отчаянно выбирали неделю, но которое все равно кричало: «сшито не на заказ».

Они пытались улыбаться, но в их глазах читалась растерянность и смутная тревога.

Их дочь была в центре этого безумного праздника жизни, который пах не любовью, а деньгами.

И тут я увидела их.

Оксану и Марину.

Марк разрешил мне пригласить их только после той самой, единственной истерики.

Я не кричала.

Я просто села на пол в гостиной, обхватила колени и семь часов подряд молча смотрела в стену, не реагируя ни на что.

Это его напугало больше любого скандала. Тишина была его оружием — а я обратила ее против него.

И вот они здесь.

Оксана — парикмахер с золотыми руками и еще более золотым сердцем, в немного кричащем платье цвета фуксии.

Марина — учительница младших классов, в скромном синем, с добрыми, умными глазами.

Они сгрудились у столика с десертами, с широко раскрытыми глазами, пытаюсь понять, в какой реальности оказались.

Они были кусочком моего старого, настоящего мира, затерявшимся в этой инопланетной роскоши.

Оксана поймала мой взгляд и подмигнула, а потом сделала вид, что падает в обморок от восторга.

Это был наш старый школьный жест.

Мне захотелось смеяться и плакать одновременно.

— Лера, милая, ты вся в напряжении, — раздался голос Марка.

Его рука легла на мою талию — властная и тяжелая.

Его прикосновение, обычно не вызывающее никаких эмоций, в последнее время стало все более невыносимым. Оно жгло кожу сквозь ткань платья.

Сквозь его безупречный образ проступали другие картины:

— Отсветы пламени на бледных, испуганных лицах.

— Запах гари и лаванды.

«Черт возьми, у меня галлюцинации. Я окончательно схожу с ума. Психотерапевт был прав — мне пора сесть на таблетки».

«Вот оно, Валерия, — ядовито пронеслось в голове, — публичный нервный срыв в платье за полмиллиона. Отличный пиар для твоего жениха».

Кажется, он заметил мое сметение и прошептал на ухо.

— Лера, что с тобой? Все идеально. Просто улыбайся.

Его слова вонзились в меня, как лезвия.

Камера щелкнула прямо в моем направлении. Вспышка ослепила. И внутри что-то сорвалось с тросика. Паника. Чистая, животная. Она поднялась из живота горячей волной, сжимая горло. Воздух перестал поступать в легкие. Звуки слились в оглушительный гул.

Я видела, как губы Марка шевелятся, но не слышала слов.

Пламя. Дым.

Я стояла в центре блестящего урагана, застывшая улыбка приклеена к лицу, а внутри — все сжималось в один сплошной, оглушительный ком паники. Это была она. Настоящая, полноценная паническая атака, о которой так много рассказывала мне психолог.

Сердце колотилось так бешено, что я боялась — оно выпрыгнет. Ноги стали ватными. Еще секунда — и я рухну здесь, на этом сияющем мраморном полу, перед двумя сотнями влиятельных незнакомцев и объективами фотокамер.

И в этот момент, сквозь нарастающий хаос, снова прорвался тот самый дурацкий, наивный совет из моего «воображаемого детства».

Голос тети Аглаи, которую на самом деле никогда не существовало.

«Заземлись, Азизе. Просто заземлись, дорогая».

«Да серьезно? — мысленно фыркнула я, чувствуя, как темнеет в глазах. — Сейчас, когда у меня тут полноценная паническая атака на фоне галлюцинаций о костре, лучшее, что я могу придумать — это представить себя деревом?»

Это было так же абсурдно, как пытаться потушить пожар плевком.

Но делать было нечего.

Рациональные методы вроде «дыши глубже» не работали.

Это был последний, отчаянный якорь.

Я закрыла глаза, игнорируя удивленный взгляд Марка, и сделала маленький, почти незаметный шаг, плотнее прижав каблуки к прохладному мрамору.

«Ладно, играем в сумасшедшую до конца», — с горькой самоиронией решила я.

— Я — Азизе. Я — дерево. У меня из ног растут корни. Прямо сейчас, сквозь мрамор и бетон. О, смотрите, у невесты корни! Фотографируйте скорее для «Cosmo»

Я сосредоточилась на ощущении твердой, холодной поверхности под ногами.

Представила, как из моих ступней вглубь уходят толстые, мощные корни, пронзая плитку, бетон, уходя в самую сердцевину земли. И стала мысленно скидывать вниз все, что меня душило:

— Липкий страх.

— Давящую панику.

— Притворные улыбки.

— Тяжелые взгляды.

— Ошибку, которую я уже совершила, подписав брачный договор.

— Властную руку Марка на талии.

«Забери, матушка-земля, — мысленно молилась я. — Тебе виднее, что с этим делать. Может, вырастишь из этого ядовитый гриб для моей будущей свекрови».

И случилось необъяснимое. Ничего мистического. Никаких вспышек света.

Но... Грудь вдруг расправилась.словно с нее сняли тяжелую железную плиту.

Я смогла сделать первый, по-настоящему глубокий, полноценный вдох. Воздух снова стал просто воздухом, а не густой, удушающей ватой. Бешеный стук сердца в висках начал утихать, возвращаясь к нормальному ритму. Гул в ушах отступил, превратившись в обычный гул толпы.

Я открыла глаза, ошеломленная.

Это... сработало?

Этот бредовый, детский трюк — сработал?

Неужели мое воображение настолько сильное, что может обмануть собственную вегетативную систему?

Или... или это было что-то другое?

Я повернулась к Марку.

Паника отступила, оставив после себя странное, ледяное спокойствие.

Я больше не была жертвой на этом празднике. Я была наблюдателем.

— Все в порядке, дорогой, — сказала я, и мой голос прозвучал удивительно ровно. — Просто на секунду закружилась голова от вспышек.

Он смотрел на меня с легким недоумением, но затем кивнул, удовлетворенный моим ответом.

Легенда о дереве с корнями, уходящими вглубь земли, еще жила во мне, остывая тихим угольком где-то в груди. Я прошла через зал, отвечая на улыбки, кивая гостям. Внешне — все та же безупречная невеста в платье, стоившем годовой бюджет моего отдела. Внутри вернулось ледяное, ясное спокойствие. Фиктивная помолвка. Стратегический альянс. Брачный контракт, прописывающий все, кроме чувств. Эти мысли, обычно вызывавшие спазм, теперь были просто констатацией фактов. Моим уставом.

— Валерия, дорогая!

Голос Ирины Викторовны прозвучал с той стороны, откуда я ее не ждала — сладкий, бархатный, полный мнимой теплоты. Моя будущая свекровь. Архитектор этой блестящей клетки и главный бенефициар нашего «семейного счастья». Она приближалась с распростертыми объятиями, сияя безупречной улыбкой светской львицы, радующейся за молодых.

— Ирина Викторовна! — мой голос в ответ зазвенел искренней радостью, которой не было и в помине. Мы обменялись воздушными поцелуями, едва касаясь щек. От нее пахло морозом, дорогими духами и бездонным цинизмом. — Как я рада, что вы здесь!

— Милая, ты сегодня просто сияешь! — воскликнула она, беря меня за руки и отступая на шаг, чтобы полюбоваться. Ее пальцы были холодными. — Этот вечер — настоящий триумф. Все в восторге. Инвесторы просто счастливы. Такой стабильный и перспективный альянс всех успокаивает. — Слово «перспективный» прозвучало с легким, едва уловимым ударением. Напоминанием о той самой сделке с Хаванским, ради которой этот спектакль и затевался.

— О, спасибо! Это все благодаря безупречной организации, — с готовностью откликнулась я, играя в ее игру. — Когда фундамент сделан качественно, то и результат получается прочным. Не правда ли?

Ее глаза, ледяные и пронзительные, на мгновение сверкнули, но улыбка не дрогнула.

— Абсолютно верно, дорогая. Фундамент — это главное. Хотя, знаешь, некоторые активы иногда проявляют излишнюю... волатильность. Входят во вкус и начинают диктовать свои условия рынку. — Она сделала вид, что поправляет прядь моих волос, заботливым жестом матери невесты. — Это всегда так рискованно. Особенно когда речь идет о таком... временном партнерстве.

Временном.

— Вы так правы, — вздохнула я с притворной задумчивостью. — Но разве не в этом искусство управления? Взять перспективный, может, чуть своенравный актив, и сделать его жемчужиной в своем портфели? Подарить ему стабильность, а взамен получить лояльность и рост. Ведь гораздо выгоднее держать его «в плюсе», верно? — Я мягко освободила свои руки, чтобы взять два бокала с шампанским с подноса проходящего официанта, и протянула один ей. — В конце концов, резкие движения на рынке... они пугают остальных акционеров. Могут спровоцировать панику и нежелательную продажу акций. И тогда весь этот прекрасный вечер, все эти инвестиции в наш с Марком имидж... могут обесцениться в один миг.

Она приняла бокал, ее пальцы сомкнулись на хрустальной ножке с такой силой, что, казалось, она вот-вот треснет.

— Мудрое замечание, моя дорогая. Очень мудрое. Но опытный инвестор всегда готов к ребрендингу. Даже самого успешного актива. Если его дивиденды... вдруг перестанут устраивать совет директоров. — Она сделала крошечный глоток, не отрывая от меня глаз. — Технически, это вопрос одного операционного дня. И мы найдем новую... кандидатуру на роль ключевого актива.

— Конечно, — легко согласилась я, чокаясь с ее бокалом. Легкий звон прозвучал как вызов. — Но ведь за этим днем последуют затраты на PR, на успокоение... других, связанных активов. — Я позволила своему взгляду на секунду скользнуть в сторону моих родителей, которые робко улыбались в углу. — И, конечно, на поиск новой кандидатуры. А зачем нести дополнительные издержки, если текущий актив демонстрирует такую прекрасную рентабельность и, главное, — я притворно смутилась, — такую искреннюю преданность основному бенефициару? В конце концов, я ведь так многому учусь у вас.

Мы стояли, улыбаясь друг другу, две изящные женщины в центре роскошного бала. Со стороны это выглядело бы как трогательная сцена общения любящей свекрови и невестки. Никто не мог бы подумать, что мы торгуемся за условия моего временного пребывания в этой роли.

— О, я и не сомневаюсь в твоей преданности, милая, — ее голос стал медовым. — Я просто напоминаю, что даже у самого стабильного актива есть свой срок годности. И его котировки целиком зависят от... лояльности ключевых акционеров. Всегда помни об этом.

— Как же я благодарна вам за такие мудрые советы, Ирина Викторовна, — склонила я голову, изображая почтительность. — Я всегда буду стремиться оправдывать ваше доверие и... поддерживать высокие котировки. Ради стабильности всего нашего общего... предприятия. В конце концов, мое будущее в этом холдинге тоже зависит от его успеха, не так ли?

Она задержала свой взгляд на мне еще на секунду — долгий, оценивающий, безжалостный. В нем было холодное признание: игра усложнилась. Фиктивная невестка оказалась не столь уж и послушной.

— Наслаждайся вечером, дорогая, — произнесла она на прощание, снова сияя. — Ты этого заслужила.

— И вы тоже, — ответила я с той же сладостной улыбкой.

Она развернулась и пошла прочь, кивая гостям, в безупречном платье черного цвета с едва уловимым лиловым подтоном, словно тень в королевском саду.

Я осталась стоять с бокалом в руке. Адреналин бил в виски, но на лице застыла та самая, безупречная улыбка. Я только что провела свою первую настоящую операцию на этом поле боя. Без единого резкого слова, без слез, без скандала.

Я сделала глоток шампанского. Оно было холодным и обжигающе кислым.

«Хорошо, — подумала я, глядя на ее удаляющуюся спину. — Теперь ты знаешь, что я не просто пешка. Ты знаешь, что я понимаю правила. И что я готова играть».

Война за место в этом блестящем мире была объявлена. И мое оружие — мой ум, моя выдержка и мое полное, ледяное понимание того, что этот брак был и остается сделкой. А сделками нужно управлять, а не позволять управлять собой.

Глава 6. Первый вдох

Сент-Эдмундсбери. 19 августа 1644 год.

Воздух висел густым, парным пологом, пропитанный запахом влажного дерна, цветущего дурмана и далекой, не свершившейся грозы. Небо, черное и безлунное, было усыпано алмазной крошкой звезд — таких ярких и дерзких, что в них невозможно было не верить: казалось, они сами, острые и сияющие, впиваются в темноту ночи. Я стояла на краю реки, скинув грубые башмаки и чулки, позволяя босым ступням впитывать прохладу скользкого от мха берега. Мое простое льняное платье цвета пожухлой листвы, без рукавов, было единственной преградой между кожей и тяжелым дыханием летней ночи.

Река звала. Но ее голос был не тот. Обычно ее журчание походило на старческий, убаюкивающий лепет. Сегодня же в нем слышалось сдержанное, тревожное бормотание. Вода будто затаилась, и каждый всплеск рыбы, каждый шелест камыша отдавался в тишине, как щелчок песочных часов перед падением последнего зернышка.

«Чтостряслось, сестрица?» — мысленно спросила я, опускаясь на корточки и погружая ладонь в черное зеркало.

Ледяной укол пронзил не кожу, а самое нутро. Не холод, а поток смутных, тревожных образов. Река молчала, лишь неся это предчувствие, как несет предгрозовую тишину.

Жара под льняной тканью стала невыносимой. Желание смыть с себя липкий навязчивый трепет, эту непонятную тягу, пересилило голос рассудка. Оглядевшись и не узрев в черноте ни души, я стянула платье через голову. Под ним — влажная от пота сорочка из выцветшего ситца, прилипшая к телу так, что вода уже не могла сделать ее прозрачнее, — и ступила в воду.

Вода обняла меня холодными, цепкими объятиями старой знакомой. Я отплыла от берега, легла на спину, уставившись в звездную бездну. Млечный Путь струился над головой, и на миг померещилось, будто я плыву меж двух рек — темной, земной, и огненной, небесной.

И тут вода взбунтовалась.

Тихая гладь вздыбилась беззвучным бугром и, словно разгневанный дух, швырнула меня вниз. Ледяные тиски сомкнулись на лодыжках, увлекая ко дну с неумолимой силой. Паника, острая и слепая, впилась когтями под ребра. Я вынырнула, хватая ртом воздух, и попыталась применить первое, что пришло в голову — заговор успокоения.

«Вода-сестра, умири свой нрав, отпусти, кто к тебе пришел по праву!» — просипела я, захлебываясь.

Вода лишь рассмеялась — беззвучным, свирепым водоворотом, закрутившим меня с новой силой. В ушах стоял не рев, а нарастающий, зловещий шепот: «Поздно».

Второе заклинание, от тетушки Аглаи — для разрыва пут.

«Нити духа, нити тьмы, разомкнитесь предо мной! Силой корня, силой камня, верни мне путь домой!»

Я почти кричала, выплевывая горькую влагу. На миг тиски ослабели. Я рванулась вверх, к мерцающему свету звезд...

Но из черной глубины вырвались новые щупальца — живые, скользкие, полные чужой, древней воли. Они оплели бедра, талию, сдавили грудь, вытесняя последний воздух. Это была уже не стихия. Это была магия, против которой мои заклинания казались лепетом неразумного дитя.

Ужас стал абсолютным. Легкие горели, звезды плыли и двоились. Я забилась в последней, беспомощной истерике. Сознание начало тонуть в черной мути, и в нем всплыло последнее — заклятие мольбы, которое бабушка шептала умирающим.

«Духи места, духи вод... примите... мою боль... как дар...»

Вода осталась безразлична. Она не желала моей боли. Она жаждала меня. Целиком.

Силы покинули. Руки обмякли. Свет превратился в ускользящую точку. Последняя, ледяная мысль: *«Неужто не костер, а эта тихая заводь...»*

И в тот миг, когда я уже перестала бороться, чьи-то руки — теплые, плотские, яростные — впились в меня, вырвав из объятий пучины к воздуху, к жизни, к звездам.

И в момент этого прикосновения... Водоворот вырвал дно из-под ног, но вместо темноты и глубины — ослепительная вспышка. Не свет, а сама ткань реальности порвалась, вышвырнув меня в другое место, в другое время, в другое тело.

Одну секунду назад я задыхалась в ледяной воде, чувствуя, как чужие руки вырывают меня из объятий смерти. Следующую — я стояла на коленях на земляном полу. Тяжелый, спертый воздух, пахнущий дымом, травами и чем-то сладковато-гнилостным, ударил в ноздри. В моих руках — чужая рука. Горячая, сухая, живая и в то же время умирающая.

Я в ужасе хотела одернуть свою руку, но не могла. Это была не моя рука. Это были ее руки. Я была в чужом теле, прикованная к нему, как узник. Я чувствовала шершавость холстины ее платья на своей коже, тяжесть распущенных волос на спине, и всепоглощающую, разрывающую сердце боль — ее боль. Любовь и отчаяние, такие острые, что хотелось кричать.

Я подняла глаза — ее глаза — и увидела его. Незнакомца. Мужчину с изможденным лицом лет сорока. Он был чужим. Совершенно чужим. Но в его глазах, глубоких и темных, горело что-то... знакомое. Что-то, что заставляло ее сердце сжиматься, а мое — замирать в ледяном недоумении.

Кто он? Где я? Что это?

Он слабо сжал ее пальцы, и это прикосновение эхом отозвалось во мне, будто кто-то ударил в колокол в самом центре моей души. Весь мир сузился до этой точки соприкосновения, до этого взгляда, полного тихой покорности и бесконечной печали.

И я поняла самое страшное. Я не просто вижу это. Я чувствую. Я чувствую ее безусловную любовь к этому умирающему от чумы неизвестному. Чувствую осознание ее полной, абсолютной беспомощности. Она не может его спасти. А я не могу даже пошевелиться, не могу вернуть себе контроль. Я — пленник в чужой трагедии.

Верни меня! — закричала я внутри, но не издала ни звука.

Щелчок.

Рев воды оглушил меня. Лед снова схватил за горло. Я захлебывалась, инстинктивно цепляясь за того, кто тащил меня наверх, в звездное небо. Но теперь в панике был новый, чудовищный оттенок — ужас перед тем, что только что произошло. Галлюцинация? Безумие? Бред тонущего сознания? Или Хаос?

Но если это был Хаос, значит это он...

Мы вывалились на берег, как два промокших, отчаянно дышащих щенка. Я рухнула на мокрый песок, давась кашлем, трясясь не от холода, а от пережитого ужаса. Он отполз в сторону, тяжело дыша, откашлялся.

И в тусклом свете звезд наши взгляды встретились.

Я смотрела на него — на мокрого юношу знатного вида, лет восемнадцати. Незнакомца, спасителя. Темные волосы прилипли ко лбу, дорогой суконный костюм испорчен илом. В его глазах читалась растерянность и немой вопрос: *«Вы живы?»*

А я... замерла. Весь мир сузился до его глаз. Они были того же темного, глубокого оттенка, что и у мужчины из видения. Но сейчас в них бушевала жизнь — дикая, испуганная, юная. И в них горел тот же ответ. Та же глубина. Та же душа.

Это... он?

Мысль ударила, как обухом. Во мне все перевернулось. Весь ужас и любовь из того видения хлынули обратно. Я не могла пошевелиться. Просто сидела и смотрела, как на воскресшего из мертвых.

Он что-то сказал. Его губы шевельнулись, но я не слышала слов. Он протянул руку — ту самую, что вырвала меня.

Я дернулась назад, не от страха, а от осознания рухнувших границ.

— Я... я Теон, — произнес он, все еще не отпуская мой взгляд. — Я прогуливался и услышал плеск...

— Азизе, — выдохнула я, и имя сорвалось хрипло. — Меня зовут Азизе.

В его глазах мелькнула тень — не узнавания, но какого-то смутного беспокойства.

И тогда мир изменился.

Второе прикосновение — не физическое. Волна. Она исходила от точки, где наши взгляды встретились, и накрыла с головой. Воздух загустел, затрещал. Я видела сквозь него. Вокруг, сквозь него, прорастала сияющая паутина из тысячи нитей — Хаос, первозданный и необузданный. И он был его неподвижным центром. Стабильностью в сердце бури. Каждая нить — возможный путь, слово, будущее. Одно вело к костру, другое — в неизвестность.

— Вы... вы как призрак, — прошептал он, нарушая тишину. — Я видел, как вас потащило. Я думал...

— А вы... как знамение, только непонятно — чего — ответила я, и в голосе моем звучала не любезность, а горькая, неподдельная ирония.

Он смутился, и в бледном лунном свете я заметила, как заалели его скулы.

— Я просто шел мимо.

Мы стояли друг против друга, мокрые и жалкие. И я знала. Знала его тайну так же ясно, как свою. Теон, сын судьи Мейхейвена. Того самого, что в прошлом месяце отправил на очистительный огонь трех «слуг дьявола». Писарь, помощник, свидетель.

И он — сердце моего Хаоса. Ключ к моей силе.

Он должен был быть моим палачом. Но в его глазах не было слепого огня фанатизма. Лишь смятение и та же тянущая нить странного подобия узнавания.

— Вам не след здесь оставаться, — тихо сказал он, взгляд его скользнул по моему промокшему, липнущему к телу платью. — Вы простудитесь. И... место сие небезопасно. В здешних лесах, сказывают, водятся... нечистые духи ведьм.

Последние слова повисли в воздухе отравленным клинком.

Я подняла подбородок, глядя прямо в очаг своего пробудившегося дара.

— А вы, мессир Теон, верите в ведьм?

Он замер. Взгляд его стал пристальным, изучающим. Он видел не просто перепуганную поселянку.

— Отец мой глаголет, что сомнение — первейшая щель в душе, куда ступает копыто дьявола, — осторожно ответил он, выбирая слова.

— Я не спрашивала, что изрекает ваш отец, — не отводя глаз, проговорила я. — Я спросила, верите ли вы.

Пауза затянулась. Шепот реки и треск сверчков звучали оглушительно. В его глазах шла борьба — долг против чего-то нового, того, что проросло сегодня в ледяной воде.

— Я верю, — наконец произнес он тихо, но твердо, — что ныне я вытащил вас из реки. И сей поступок... кажется мне весомее иных проповедей и небылиц.

Это был не ответ. Но и не отречение. Крошечная щель в стене, отделявшей наши миры.

— Тогда, быть может, вам стоит быть разборчивее в том, кого вы спасаете, мессир, — сказала я, с усилием поднимаясь. Ноги дрожали, но я выпрямилась. — Ибо спасенный вами призрак может явиться вновь. И задать вопросы куда более опасные.

Он сглотнул. Он понимал. Больше, чем мог признаться.

— Мне... мне пора, — отступила я на шаг в тень дубравы.

— Азизе, — окликнул он, и мое имя на его устах прозвучало как заклинание. — Ступайте с осторожностью.

Я кивнула и, прежде чем скрыться в чаше, бросила последний взгляд через плечо. Он все еще стоял на берегу, темный силуэт на фоне звезд, сбитый с толку и одинокий. Сын судьбы и спаситель той, кого ему велено опасаться.

Я шла прочь, и каждая клеточка пела от пробудившейся силы. Я могла видеть нити судьбы. Но они были привязаны к нему. К моему врагу. К моей единственной, парадоксальной надежде.

Они сожгут меня, если узнают. Он, по долгу, будет ставить подпись под приговором. Мы оба это знали. И оба знали, что не можем доверять никому. Кроме, быть может, этого странного, немного доверия, что родилось сегодня в черной воде и было скреплено взглядом, пронзившим века и предрассудки.

Дорога вперед была устлана хворостом. Но теперь я видела ее. И знала, что иду не одна. Даже если спутник мой был тем, кто должен был возжечь пламя моего костра.

Глава 7. Барбадос. Пляж отеля «Sandy Lay».

19 ноября 2026 год.

Лера.

Конечно, мы не могли просто взять и уехать в свадебное путешествие. Настоящее. Нет, не-не-не. Настоящее свадебное путешествие — это когда двое сбегают от всего мира, чтобы побыть наедине. Наше же было тщательно спланированным PR-ходом. *«Идеальный медовый месяц идеальной пары»* — так, кажется, звучал заголовок в глянцевого журнала, которому мы дали эксклюзив. Чилл и расслабон? Не для Марка. Его жизнь, даже в отпуске, особенно в отпуске, который видели все, — это встречи, переговоры и дедлайны, приправленные фотографиями у бассейна для соцсетей. Мы должны были отыграть этот спектакль — для прессы, для акционеров, для моей мамы, которая наконец-то могла вздохнуть с облегчением, и для его матери, которая этого требовала. Но главными зрителями этого спектакля — была семья Хаванских. Ради партнерства с которыми и задумывался весь этот цирк.

Ночь была до неприличия красивой. Воздух — густой и сладкий, звезды — настырно яркие, будто их тоже наняли по контракту. И это дурацкое чувство, знакомое с детства — будто что-то висит на волоске. Океан сегодня ворчал, как мой желудок перед экзаменом. *«Лера, тебе пора к психиатру»*, — констатировала я мысленно. *«Ты уже и океану приписываешь скрытые смыслы»*.

Марк, мой ненаглядный супруг, был в номере — «спасал мир» через Zoom, с какими-то невероятно важными людьми. *«Идеально»*, — подумала я, бредя по пустынному пляжу. *«Райский остров, белый песок, бирюзовый океан... и я здесь одна, как в рекламе средств от депрессии, пока мой муж работает в соседней комнате. Идиллия»*.

Решив, что лучший способ бороться с паранойей — это физическая нагрузка, я зашла в воду и поплыла. Океан, видимо, воспринял это как вызов.

Артем.

Я вышел на пляж, чтобы проветрить голову перед завтрашними переговорами с Колосовыми. Марк на удивление быстро принял мое приглашение провести свадебное путешествие в моем отеле. *«Совместить приятное с полезным»*, — как он выразился. Ну что ж, посмотрим, насколько это «полезное» окажется приятным для тебя, Колосов. Ваша семья всегда умела пускать пыль в глаза. Пусть он и смог обмануть моего отца, втеревшись в доверие этим спектаклем с идеальной женой, но я то знаю, что он на самом деле — жесткий, циничный мудака. И эта внезапная женитьба на сотруднице, просто дешевая постановка для моего отца.

Воздух был густым и сладким, океан словно дышал - ровно и спокойно.

И тут я увидел ее.

Одна. Босиком, на кромке прибоя. Шелковая туника обрисовывала силуэт. Она смотрела на океан так, будто ждала от него ответа. Что-то в ее позе, в этом одиноком ожидании, зацепило меня.

Я приостановился, наблюдая. Интересно, это и есть та самая «идеальная жена» Колосова? Выглядела она... иначе. Не как экспонат из его коллекции, а иначе — уязвимая, настоящая.

Потом она решила зайти в воду. Сделала первый шаг, и... замерла. Словно прислушиваясь. Странно. Второй шаг — и снова пауза. Я видел, как ее плечи напряглись. Океан был абсолютно спокоен, но она вела себя так, будто слышала в его рокоте что-то, недоступное другим. Она пошла дальше, глубже. Вода была уже по грудь, когда это случилось.

Вода перед ней... засветилась.

Сначала слабо, потом все ярче. И посреди лунной дорожки образовалась воронка. Не обычная, а какая-то... фантазмагорическая. Она закрутилась с невероятной скоростью, и ее, как щепку, потащило ко дну.

Я не думал. Просто бросился в воду. Подбегая, я увидел ее лицо на секунду, когда она вынырнула. Испуг. Ужас. И еще... будто она смотрела не на воду, а сквозь нее, в какую-то другую реальность. Я нырнул, схватил ее.

Она не сопротивлялась, тело было обмякшим, почти безжизненным. Вытащил на берег. Она рухнула на песок, ее трясло, она задыхалась.

— Вы в порядке? — спросил я, сам запыхавшись.

Она подняла на меня взгляд. Карие глаза, огромные, полные не отступающего ужаса. И чего-то еще... какого-то древнего, невыразимого знания. В них была не просто благодарность. Было... узнавание. Глубокое, шокирующее. Она попыталась встать, ее ноги подкосились. Я подхватил ее.

— Эй, я держу Вас. Все хорошо.

Она не сводила с меня глаз. Казалось, она смотрит сквозь меня.

— Вы это... видели? — ее голос сорвался. — Океан... он... хотел меня убить?

Я не мог не усмехнуться. Абсурдность ситуации была через край.

— Видел. Это было сюрреалистично. Вода светилась, как люминофор. Как спецэффекты в «Пиратах карибского моря», когда корабль закручивало ко дну.

— Может, это... новый гаджет от хозяина виллы для... устранения неугодных гостей? — выдавила она, и в ее глазах мелькнула тень самоиронии. Боже, какая же она... живая.

Я рассмеялся.

— Если бы, то я бы о нем знал. Уверен, его создателем была бы фирма NeSoft. Больше никому.

Она посмотрела на меня с новым интересом.

— А почему именно NeSoft?

— Ну, просто мы планируем сотрудничество с ними — пожал я плечами. — И не знаю никого более талантливого, чем Марк Колосов. Если бы кто-то и мог создать генератор персональных водоворотов, то только он.

И тут ее лицо изменилось. Шок, неверие, а затем — горьковатая усмешка.

— Что-то не так? — спросил я, прекрасно понимая, что она только что осознала, с кем разговаривает. Ну что ж, мисс Колосова, давайте посмотрим, как вы будете выкручиваться из этой ситуации.

Она медленно выдохнула, глядя на меня так, будто мы оба были персонажами какого-то розыгрыша.

— Скажите... это ваш отель? Вас зовут Артем Хаванский?

Сделал вид, что задумался на секунду, хотя прекрасно знал, что она уже все поняла.

— Ну да... — ответил я, смотря, как на ее лице сменяются эмоции. — А вы...?

Она покачала головой, и по ее лицу расплылась улыбка, полная судьбоносного сарказма.

— Валерия Колосова.

Вот и раскрылись карты. Я сделал удивленное лицо, хотя внутренне злорадствовал. Идеально. Теперь даже интересно, как ты, будешь вести себя после такого случайного знакомства.

— Надо же, — протянул я, изображая удивление. — Жена Марка Колосова? Та самая, с которой у нас завтра запланирована деловая встреча?

Она кивнула, и в ее глазах читалась та же смесь неловкости и иронии, что и у меня.

— Кажется, вселенная устроила нам тимбилдинг, — сказала она, и дрожь в ее голосе сменилась странной твердостью. — С полным погружением.

Что ж, деваться некуда. Приложил руку к груди в шутовском жесте.

— Артем Хаванский. Чрезвычайно рад... э-э... спасти вас. Хотя, возможно, это не лучший способ начинать партнерство.

— О, не знаю, — она наконец смогла уверенно встать без моей поддержки. — Зато скучно точно не было.

Я смотрел на нее — мокрую, дрожащую, но с невероятным огнем в глазах — и понимал, что все идет не по плану. Совсем не по плану. Завтрашняя встреча обещает быть гораздо интереснее, чем я предполагал. Особенно если удастся вывести на чистую воду и ее, и ее «прекрасного» мужа.

Лера.

Мы шли по влажному песку к отелю, и каждый шаг отдавался в висках навязчивой мыслью: *«Он знал. С самого начала знал, кто я»*.

Эта уверенность родилась где-то в глубине сознания — не логический вывод, а скорее... ощущение. Как будто между нами протянулась невидимая нить, по которой пульсировали его мысли и намерения.

— Вам точно не нужен врач? — его голос выдернул меня из этого липкого полубреда. — Вы все еще дрожите.

Я посмотрела на него, и на секунду — долю секунды — мне показалось, что я слышу что-то еще. Как будто радио поймало чужую волну. *«Она не замерзла. Она боится. Чего?»*

Я зажмурилась и тряхнула головой. Это просто шок. Переохлаждение. Тем, кого вытаскивали с того света, вообще много чего может почудиться.

— Врач не поможет от того, что со мной происходит, — эта фраза вылетела прежде, чем я успела ее обдумать. Слишком откровенно. Слишком.

Он странно посмотрел на меня. И в ту же секунду — или мне показалось? — я снова провалилась в этот чертов шум в голове.

«Наконец-то правда...»

Я резко остановилась. Сердце заколотилось где-то в горле.

Нет. Этого не может быть. Я не слышу мысли. Люди не слышат мысли. Я просто тонула, я нахлебалась соленой воды, у меня кислородное голодание или инфекция, и сейчас мой мозг дорисовывает реальность, цепляясь за его взгляд.

— Вы в порядке? — он коснулся моего локтя, и от этого прикосновения по коже побежали мурашки, не имеющие ничего общего с холодом.

— Да, — выдохнула я слишком быстро. — Да. Все хорошо. Просто... нога немного болит. Я соврала. И он, кажется, почувствовал.

У входа он остановился.

— До завтра, Валерия. Надеюсь, следующие наши встречи будут... менее экстремальными.

— С моей жизнью ничего нельзя гарантировать, — лягнула я первое, что пришло в голову.

Он улыбнулся — краем рта, почти незаметно.

Я развернулась и почти побежала в холл, молясь всем богам, чтобы он не смотрел мне в след. В лифте я прислонилась спиной к зеркальной стене и закрыла глаза. Сердце колотилось где-то в горле. Я считала про себя: раз, два, три, четыре...

Это шок. Ты чуть не утонула. У тебя галлюцинации от страха и холода. Завтра ты проснешься и все пройдет.

Я открыла глаза и посмотрела на свое отражение. Мокрая, растрепанная, с дикими глазами.

— Спокойно — прошептала я отражению. — Это всего лишь шизофрения, стадия отрицания.

Лифт дрогнул и поехал вверх. А вместе с ним в голове снова всплыло: *«Кто ты на самом деле?»* Но это уже был не его голос. Это был мой собственный вопрос. И ответа на него не было.

Утро.

Сознание медленно возвращалось, принося с собой тяжелое предчувствие. Сегодняшняя встреча с Хаванским висела дамокловым мечом. Я потянулась к телефону, но пальцы наткнулись на бархатную коробочку.

В этот момент дверь спальни тихо открылась.

— Я сплю или мне кажется что ты несешь мне завтрак в постель? — я приподнялась на локте. — В контракте такого пункта не было.

Марк поставил поднос с кофе и маффином на прикроватную тумбу.

— В контракте много чего нет, — парировал он. — Например, пункта о твоём умении убеждать инвесторов быстрее, чем я успеваю произнести вступительное слово. — Его взгляд упал на красную коробочку в моих руках. — Мм, смотри ты нашла свое тактическое преимущество.

— Не сомневайся, сегодня я применю все свои таланты. — Я подняла на него взгляд, играя с серьгой в руке. — Может, стоит прописать в контракте премию за убеждение особенно... сопротивляющихся партнеров?

— Нужно было прописать в контракте отдельный пункт о твоей предприимчивости, — он провел пальцем по моей щеке, и его пальцы оставили на коже обещание чего-то большего, — Но сначала докажи, что можешь убедить не только бизнес партнера, но и... меня. Я мог бы перенести нашу встречу с Хаванским. А вот партнерство между нами... кажется, требует более срочного внимания.

— Правда? — я приподняла бровь. — Или это внезапное желание уединения как-то связано с тем, что ты просто не хочешь идти на встречу с Хаванским? Или проверяешь, насколько далеко простирается твоя власть надо мной?

Он наклонил голову, изучая меня с новым интересом.

— Моя власть над тобой, Лера, заканчивается там, где начинается твоя выгода. Это называется здоровые партнерские отношения. А Хаванский... — он пожал плечами, — подождет. Просто сегодня мне интереснее наблюдать, как ты пытаешься убедить меня, а не его. — Его рука скользнула по моему плечу, стягивая бретельку, отвесив туда легкий поцелуй. — В конце концов, какой смысл охотиться на льва в джунглях, когда дома у тебя своя собственная дикая кошка?

Я почувствовала, как по спине пробежали мурашки.

— Осторожнее с дикими кошками, — я отстранилась, вставая с кровати. — Они кусаются. Особенно когда их пытаются приручить. А теперь, если ты не против, мне нужно подготовиться к встрече. С тем самым львом из джунглей.

Он не сводил с меня глаз, пока я направлялась в ванную.

— Ладно, ладно, — он развел руками с притворной покорностью. — Вижу, кошка сегодня не в духе. У тебя три часа на сборы. И надень эти чертовы серьги. Пусть знает, с кем имеет дело.

Я захлопнула дверь ванной, прислонилась к прохладной поверхности и закрыла глаза. В отражении в зеркале женщина с растрепанными волосами и слишком ярким румянцем на щеках смотрела на меня вызовом. *Соберись*, — приказала я себе. *Ты всегда знала, что это часть сделки.*

Пальцы сами потянулись к серьгам. Холодные изумрудные капли стали последним штрихом к образу, который мы создавали вместе с Марком. Идеальная картинка. Безупречная легенда.

Три часа. Ровно столько времени у меня было, чтобы снова надеть маску счастливой жены и успешного аналитика. Чтобы забыть о странной искре, пробежавшей между мной и Хаванским вчера на пляже. Чтобы не думать о том, как пальцы Марка обещали что-то большее.

Я глубоко вздохнула, расправила плечи и принялась наносить макияж. Четкие линии, безупречный тон. Ничего лишнего. Как и в бизнесе — только факты, логика и аналитический подсчет каждого шага.

И единственным правилом было ни в коем случае не показывать, что игра идет не по плану.

Глава 8. Урок о родственниках душах

Олдвуд. 1635 год.

Пламя в очаге танцевало, отбрасывая причудливые тени на стены нашей скромной хижины. Воздух был густым от запахов сушеных трав и тихой, сосредоточенной силы. Тетя Аглая сидела на своей низкой скамье, ее пальцы с привычной ловкостью сплетали тонкую травяную нить. Я, девятилетняя Азизе, подседа к ней, поджав под себя босые ноги.

— Тетя Аглая, — начала я, глядя, как огонь играет в ее седых волосах, — а почему Элоди видит будущее в чаше с водой, а я нет? Почему она уже ведьма, а я... просто видящая?

Пальцы тети не остановились, но ее губы тронула мягкая улыбка.

— Азизе, дитя мое, все девы, рожденные от крови нашего рода, приходят в этот мир видящими. Это наш дар и наша ноша. Но не каждая видящая станет ведьмой в этой жизни.

Я нахмурилась, не понимая.

— А почему? Разве сила не у всех одинакова?

Она наконец отложила свою работу и повернулась ко мне. Ее глаза, цвета зимнего неба, были серьезны.

— Хочешь, я расскажу тебе историю? Не сказку, а правду о нашем роде.

Я кивнула, затаив дыхание.

— Давным-давно, — начала она, и голос ее зазвучал иначе, будто доносясь из самой толщи времени, — мир был пуст и лишен чудес. И тогда из самого Хаоса родилась Аэлия. Ее сила была безграничной, но дикой и необузданной, способной создать новую звезду или поглотить целые миры. Но Аэлия не хотела разрушать — она жаждала творить. Ее спасением стал Элеон — ее Якорь. Он был воплощением Порядка и мог сдерживать ее Хаос, чтобы она могла лепить из него миры, дарить жизнь и красоту, не давая воли темной материи.

— Но Аэлия совершила ошибку, — голос тети Аглаи стал суровее. — Она вдохнула частичку своей магии в мир, в котором жили люди, наделив их силой. Но она не подумала о том, что в ее творениях, как и в ней самой, будет жить и темная сторона Хаоса. И что люди без своего якоря не смогут эту тьму сдержать.

— Что же случилось? — прошептала я.

— Природа восстала против этого дисбаланса. Чтобы мир не погрузился в хаос, рожденный самой же магией, было создано Проклятие Разделения. Оно разорвало изначальную связь. С тех пор душа ведьмы, несущая в себе искру магии Аэлии, и душа ее Якоря, способная эту магию усмирить и направить, рождаются разделенными. И теперь каждая ведьма должна найти свою вторую половину — ту единственную душу, что была создана для нее изначальным Хаосом.

Она помолчала, давая мне осознать ее слова.

— Все души перерождаются, Азизе. Бывало, что родственные души являлись в мир сестрами. А в другой жизни — заклятыми врагами. А в третьей — вообще не встречались, разделенные океанами и веками. Душа Якоря перерождается, когда проходит свой кармический путь, так же как и душа ведьмы.

Тетя Аглая наклонилась ко мне ближе.

— Старые предания говорят, что душа ведьмы всегда рождается от крови нашего рода. А душу Якоря породил изначальный Хаос. И пока рука этой души не коснется тебя в этой жизни — не просто кожи, а самой глубины твоего существа, твоей души, твоего сердца — твоя истинная сила так и будет спать внутри тебя.

Ты будешь видящей.

Будешь чувствовать боль земли и радость дождя, слышать шепот ветра и чувствовать ложь на языке человеческом. Но все это — лишь бледная тень, слабый отблеск того, кем ты

можешь стать. Ты — спящая ведьма, Азизе. И лишь одна-единственная душа во всей бескрайней Вселенной может разбудить дремлющий в тебе хаос.

Меня пронзила странная, щемящая тоска.

— А что... что если я никогда не найду его? — выдохнула я.

Тетя Аглая наклонилась ко мне, и ее лицо озарилось печалью.

— Тогда ты так и останешься видящей, как твоя матушка. Твоя магия, не пробужденная, так и будет тлеть в тебе. И с каждым новым перерождением искра будет становиться все слабее. Сила, которую не разбудили, в конце концов возвращается к истокам.

Она положила свою теплую ладонь мне на голову.

— Но ты найдешь его, Азизе. Я видела это в дыме очага. Ты найдешь его, и когда ваши души узнают друг друга, ты начнешь вспоминать. Вспоминать, кто ты есть на самом деле.

Глава 9. Игра в тропиках

20 ноября 2025. Барбадос.

Артем.

Я сидел за столиком на террасе ресторана моего отеля, на этот раз без планшета. Просто смотрел на океан, который всего двенадцать часов назад пытался утаить одну любопытную тайну. И вот-вот должен был явиться ее законный владелец.

Встреча была назначена на десять. В 9:58 они появились в проходе между пальмами — идеальная пара для обложки. Он вел ее под руку, что-то нашептывая. Она слушала с легкой, дежурной улыбкой. Ту самую улыбку, которой не было в ее глазах прошлой ночью, когда в них стоял чистый, немой ужас перед водой, светившейся изнутри. «Игра началась, миссис Колова», — подумал я, поднимаясь.

— Артем! Точно к времени, — голос Марка был гладким, как полированный гранит. Он отпустил ее руку, чтобы пожать мою. Хватка была твердой, демонстративно уверенной. — Позволь представить — моя жена, Лера. Дорогая, это Артем Хаванский. Наш... неожиданный участник переговоров и, как оказалось, гостеприимный хозяин.

Я перевел взгляд на нее.

Она была в простом льняном платье и серьгах, которые стоили больше чем годовой доход менеджера среднего звена. Волосы убраны в элегантную, слегка небрежную волну. Ничто не выдавало девушку, которую я вытасил из сумасшедшего ночного приюта. Ничто, кроме ее взгляда.

Когда наши глаза встретились, в них мелькнула та же молниеносная оценка, тот же немой вопрос, что и на песке. «Притворись, что не знаешь меня», — прозвучало у меня в голове. Нет, не прозвучало. Пронеслось.

Чужая, четкая мысль, пришедшая не изнутри. Я едва заметно задержал дыхание. Опять? Что это было?

— Марк, Валерия, — я кивнул, делая вид, что впервые ее вижу. — Очень приятно. Проходите, пожалуйста. Надеюсь, ваш медовый месяц начинается комфортно?

— Более чем, — ответил за нее Марк, пододвигая стул. Его движение было безупречным, отрепетированным жестом собственника. — Твой отель задает очень высокую планку, Артем. Признаюсь, не ожидал такого... размаха от проекта, который начинался без поддержки головного холдинга.

Первый укол. Аккуратный, вежливый. Напоминание о том, что я — «бунтарь», построивший свое дело «в тени» империи отца. А он — стратег, играющий в большой лиге.

— Спасибо, — я улыбнулся, принимая вызов. — Иногда отсутствие поддержки — лучший мотиватор. Заставляет быть изобретательнее. И ценить каждую деталь, которую не купишь за папины деньги.

Его глаза сузились на долю секунды. Укол принят. Лера села, и я снова поймал обрывок ее мысли — на этот раз не слова, а сгусток удивления и анализа: *«Зачем Марк это сказал? Акцент на разрыве с отцом... Это же может оттолкнуть. Нам нужно расположить Хаванских, а не тыкать в их внутренние конфликты. Неразумно. Надо перевести тему»*

Она посмотрела прямо на меня, и ее голос прозвучал ровно, растворяя напряжение:

— Пожалуйста, зовите меня Лера. И спасибо за теплый прием, — ее голос был легким, словно разряжая напряжение, витавшее между всеми нами. — Отель и правда потрясающий. Он не просто не похож на сетевой — он кажется живым.

Она сделала небольшую паузу, ее взгляд скользнул за мою спину, в сторону тропического сада, буившего за перилами террасы.

— Особенно ваш сад. Эта многослойность... Пальмы создают тень для папоротников, те, в свою очередь, укрывают почвопокровные. И чувствуется рука не просто садовника, а художника. Я даже заметила там... — она чуть наклонила голову, будто вспоминая, — ... камелии? В Барбадосе? Они же не очень жароустойчивы. Но те, что у вас возле искусственного ручья, выглядят просто потрясающе — такие густые, темно-зеленые листья, будто их только что привезли из прохладных гор. Как вам удастся сохранять такую свежесть и разнообразие в местном климате? Это же целая наука.

— Вы удивительно внимательны, Лера, — ответил я, восхищаясь ее способностью переводить тему и производить впечатление заинтересованного гостя. Она точно просчитала, что нужно сказать, на что обратить внимание и как задать вопрос, вызывая у собеседника искренний интерес. Но сейчас это было даже на руку.

— Вы попали в самую точку. Камелии действительно здесь нечастые гости. Но этот отель только на первый взгляд выглядит местечком, где все держится на ручном труде и интуиции садовников. На самом деле, за этой кажущейся естественностью скрывается довольно сложная система.

Я сделал паузу, дав словам немного повиснуть в воздухе.

— Я сам прописал алгоритмы для каждого растения в этом саду. В корни растений встроены датчики. Все управляется искусственным интеллектом, который в реальном времени анализирует не только видимые параметры вроде температуры листьев или влажности почвы, но и моделирует состояние корневой системы, предсказывает стресс и адаптирует среду. Конечно, без опытных садовников и сильной управленческой команды, которая следит, чтобы технологии оставались на службе у комфорта, а не наоборот, — никуда. Но именно этот симбиоз и создает ту иллюзию безупречной, живой природы, которую вы оценили.

Марк слегка наклонил голову, его взгляд стал оценивающим, техническим.

— Любопытный подход. Персонализированный уход, доведенный до уровня отдельных растений. Дорогое решение.

— Эффективное, — поправил я мягко. — Оно исключает ошибки, вызванные человеческим фактором, и в долгосрочной перспективе сохраняет то, что нельзя просто купить за деньги — уникальную атмосферу. Атмосферу, которая и является главным продуктом.

В этот момент я поймал новый обрывок мыслей Леры, теперь более спокойных, аналитических: *«Он говорит не о затратах, а о ценности. А Марк, как обычно считает деньги. У их разный фокус. Им сложно будет договориться. И Артем... он не защищается, он объясняет. Как будто уверен, что его подход в конечном счете выигрышный. Интересно бы знать, откуда у него эта уверенность?»*

— Это, безусловно, добавляет ценности, — согласился Марк, но в его тоне сквозило, что для него «ценность» и «деньги» были синонимами. — Но вернемся к нашему общему проекту. «Проактивная медицина» требует не меньшей, если не большей, степени персонализации и точности.

Пока он говорил, я уловил ее аналитический интерес, ее вопрос, висящий в воздухе между нами: *«Интересно бы знать, откуда у него эта уверенность?»*

Я не стал отводить взгляд от Марка, но мысленно, четко и ясно, словно бросил камень в тихий пруд ее сознания, послал ответ:

«Если вам так интересно это знать, миссис Колосова, вы можете прямо меня об этом спросить.»

Я увидел, как она замерла. Не вздрогнула, а именно замерла, будто внутри нее что-то щелкнуло. Ее дыхание на секунду прервалось. Она медленно перевела взгляд с Марка на меня. В ее глазах не было паники — было чистое, оголенное изумление. Она услышала. И теперь знала, что это не ее воображение.

Она быстро оправилась, сделав глоток воды, но я заметил, как дрогнули ее пальцы, сжимающие бокал. И поймал новый обрывок, на этот раз окрашенный не анализом, а почти детским, потрясенным удивлением: *«Он... ответил? Он слышит? Боже, он действительно слышит.»*

— Твой опыт в управлении такими... деликатными системами, безусловно, полезен, — продолжал между тем Марк, не замечая этого молчаливого обмена, который для нас двоих гремел громче любых его слов. — Хотя, признаюсь, я думал, ты давно забросил разработку. Больше не занимаешься кодом, а продаешь впечатления и коктейли туристам.

— В этом ты ошибся, Колосов, — парировал я спокойно, отхлебывая кофе, но часть моего внимания была прикована к ней, к тому тихому урагану, что бушевал за ее безупречной маской. — Та же система, что управляет корнями моих камелий, лежит в основе проекта «Цифровой гомеостаз» для «GL Trade». Только вместо почвенных датчиков — сенсоры мониторинга крови. Алгоритм анализирует динамику биомаркеров по двум замерам с разницей в месяц, строит персональную траекторию здоровья на десять лет вперед, вычисляет паттерны будущих заболеваний и прописывает индивидуальные программы по их купированию — от коррекции питания до режима сна. Мой код. Моя архитектура. И именно к этому ПО, судя по всему, загибающие руки NeSoft теперь и хотят дотянуться.

Я позволил паузе повиснуть, глядя прямо на него.

— Когда до меня дошли слухи о предстоящем партнерстве с Колосовыми, понял — пора окончательно заканчивать с отпуском. Не могу же я позволить отцу разбираться с вами в одиночку.

Марк усмехнулся, но в уголках его глаз застыли стальные щепки. Его маска безупречного партнера дала первую, едва заметную трещину.

— Всегда знал, что ты сентиментальный сын, — парировал он, легко переводя все в шутку, но напряжение в воздухе сгустилось еще больше, став почти осязаемым. — Хотя, если честно, я ожидал твоего появления гораздо раньше. И, да, я не знал, что это твой проект. Но теперь мне интересно: как ты успеваешь совмещать? Одна такая разработка — это full-time работа для целой команды. А у тебя еще и целая империя развлечений на островах.

Его вопрос был не просто любопытством. Это была проверка. Он выяснял, настоящий ли я игрок или просто дилетант, прикрывающийся чужими наработками.

Пока он задавал свой деловой вопрос, я поймал новый поток ее мыслей. Сначала холодная, почти восхищенная оценка: *«Сильный ход, Артем. Он думал, что ты просто переменная в его игре, а не ключевой игрок. И от этого моя роль в этом становится еще интереснее...»*

А затем — срыв в глубину, тихий, испуганный шепот ее души, который, казалось, она и сама боялась услышать: *«Вот только иногда я забываю, где заканчивается роль и начинаюсь я. И я очень надеюсь, что это просто игра моего воображения. Потому что если нет... если эта связь реальна... это слишком опасно для нас обоих.»*

Это была не аналитика. Это была обнаженная правда. И она требовала ответа не саркастичного, а честного.

Пока Марк ждал моего ответа о тайм-менеджменте, я снова обратился к ней мысленно. На этот раз без намеков и игр.

«Это не воображение. Канал реален. И опасность — тоже, — послал я, и мои мысли в ее голове прозвучали тихо, но неумолимо ясно. — Но бежать от неизвестного — глупо. Игра уже началась, Лера. И в ней теперь три ключевых игрока, а не два. И твоя роль... она начинается там, где ты сама захочешь ее начать. Не там, где он для тебя ее определил.»

Я увидел, как она закрыла глаза на долю секунды, будто принимая удар или делая невероятный трудный выбор. Когда она открыла их снова, в них была не паника, а та самая решимость, которую я заметил на пляже.

И в ответ пришел не импульс, а тихая, но твердая мысленная волна, в которой смешались решимость и все еще живший страх:

«Хорошо, допустим, я не сошла с ума. Но это не значит, что хочу участвовать в вашем спектакле. Я просто... постою за кулисами, посмотрю, кто кого.»

Театр начался. Она пока в зале. Но кулисы, за которыми она собралась стоять, давно уже стали частью сцены. Она просто еще не поняла.

— Империя гостевого бизнеса построена, чтобы работать без меня, — ответил я Марку на его вопрос. — Автоматизированные процессы, сильная команда, четкие стандарты. Они оставляют мне время думать. Просто делаю это в более приятном месте, чем ростовский офис. И с более интересными... вызовами.

— Что ж, — Марк откинулся на спинку стула, явно удовлетворенный ходом переговоров, даже не подозревая, какие настоящие переговоры только начались у него под носом. — Похоже, нам действительно есть что обсудить детальнее.

Я сделал глоток кофе, глядя куда-то в сторону океана, но краем сознания снова потянулся к ней.

«Ладно, стой в стороне. Твое право. Но этот канал — он же никуда не денется. Мы можем делать вид, что его нет, но мысли все равно будут просачиваться. Я хотя бы хочу понять, как его отключать. Или хотя бы регулировать громкость. Тебе разве не интересно?»

В ответ пришло молчание.

Две секунды. Пять. Десять.

Она сидела, спокойно слушая Марка, поправляла выбившуюся прядь, кивала его словам. Ноль реакции. Ни взгляда, ни жеста, ни намека.

А вдруг я просто схожу с ума? — пронеслось у меня в голове. Что, если я разговариваю сам с собой, и никакого диалога нет? Что, если вчерашнее — просто галлюцинация на фоне стресса, а сейчас я веду мысленные беседы сам с собой, как псих, который забыл выпить таблетки?

Я уже начал мысленно составлять список психотерапевтов на Барбадосе, когда в голове щелкнуло. Ее голос — с той самой саркастичной усмешкой, которую я уже начинал различать среди тысяч других мыслей:

«Слушай, у меня для тебя две новости. Плохая: кажется, у нас обоих шизофрения. Хорошая: ты еще более безумный, чем я.»

Я едва не рассмеялся вслух. Вовремя прикусил губу, сделав вид, что задумался над словами Марка.

«Так и что в ней хорошего?» — отправил я, пряча усмешку за глотком кофе.

Пауза. Она чуть заметно повела плечом — жест, который Марк наверняка счел бы просто поправлением платья. А потом пришло:

«А разве я сказала, что она хорошая для тебя?»

Я поперхнулся кофе. Пришлось изображать приступ кашля, прикрываясь салфеткой, пока Марк смотрел на меня с легким недоумением.

— Все в порядке? — спросил он.

— Отлично, — прохрипел я. — Просто... слишком много корицы в кофе.

Она сидела напротив с идеально невозмутимым лицом. Только в уголках губ дрожало что-то, похожее на довольную усмешку.

— В знак начала нашего сотрудничества, — сказал я, глядя попеременно на них обоих и старательно избегая ее взгляда, — предлагаю продолжить в более неформальной обстановке. На моей яхте.

— Отличная мысль, — Марк повернулся к Лере. — Как думаешь, дорогая? Пара часов на воде перед вылетом.

— Конечно, — ее голос был ровным, идеальным. — Звучит прекрасно.

Ее слова для Марка были светской любезностью. Для меня — подтверждением договоренности и тихим напоминанием о том, что нас теперь связывало не только общий бизнес, но и общее безумие.

— Яхта «Анаис», через час на левом причале. — заключил я. — До встречи.

Когда они ушли, я остался один с ощущением, будто только что запустил два сложнейших процесса одновременно. Один — деловой, с ясными правилами и целями. Другой — совершенно неизвестный, опасный и невероятно личный, где правила только предстояло выработать.

Час спустя.

Лера

Яхта отчалила от причала, и мир сузился до деревянной палубы, запаха соли и двух мужчин. Один — мой муж, который сейчас в салоне договаривался о будущем мира в каком-то неотложном Zoom - совещании. Другой — причина того, что мой собственный мир трещал по швам.

Я вышла на нос, оперлась о холодные перила, стараясь дышать ровно. Шум двигателя и плеск волн создавали нужный фон. Уединение. Я почувствовала его шаги за спиной раньше, чем услышала.

— Вид того стоит, — сказал его голос рядом. Ближе, чем следовало бы.

— Да, — ответила я, не оборачиваясь. И вдруг в мою голову, кристально ясно, врезалась абсурдная, нарочито дурацкая мысль, оформленная как внутренний вопрос: *«Интересно, если я сейчас очень сильно захочу мороженое со вкусом жареной картошки, он это услышит?»*

Он не сдержал легкой усмешки.

— Жареная картошка в качестве вкуса для мороженого — это гастрономическое преступление, — сказал он тихо, глядя на горизонт. — Но да, я это услышал. И представил... И как, по-твоему, мне теперь выбросить это из головы?

Я медленно повернулась к нему. Адреналин и абсурд ситуации смешались во мне в странный, почти истерический коктейль. Страх отступил, уступив место острому, лезвийному сарказму.

— О, это просто, — сказала я, и мой голос прозвучал нарочито легко, как если бы мы обсуждали выбор вина. — Нужно лишь представить, как это самое мороженое тает в твоей руке, оставляя жирные, картофельные разводы на твоей безупречно белой палубе. А потом попробовать мысленно добавить туда майонеза, для полноты ощущений. Гарантирую — желание подслушивать мои кулинарные кошмары как рукой снимет.

Я не увидела реакцию — я ее почувствовала. В пространство между нами ударила короткая, яркая вспышка — не смеха, а чего-то вроде изумленного уважения, окрашенного той же язвительной иронией, что звучала в моем голосе. Он не просто услышал слова. Он получил весь пакет — с интонацией, с гротескным образом, с вызовом. И одобрил.

— Майонез, — повторил он, делая вид, что обдумывает. — Это уже переход в категорию военных преступлений. Но, признаю, образ убедительный. Кажется, наш... канал связи обладает извращенно ярким воображением.

— Не скромничайте. Это был совместный творческий акт. Я — автор идеи. Вы — режиссер-постановщик кошмара.

Усмешка исчезла с его лица, сменившись холодной собранностью. — Ладно, допустим — гипотеза подтверждена. Теперь главный вопрос: как этим пользоваться, чтобы не привлечь внимание санитаров или, что вероятнее, ревнивого супруга?

Его слова вернули нас к реальности. К Марку, который был в нескольких метрах. К опасности, которая была куда реальнее, чем любое мороженое.

— Предлагаю начать с малого, — сказала я, понизив голос до шепота, который терялся в рокоте мотора. — Скажем, с выяснения того, нужно ли для нее смотреть друг другу в глаза, как в плохих романтических фильмах.

— Практично, — кивнул он. Его взгляд стал сосредоточенным, деловым. Мы оба отбросили панику и перешли в режим анализа. Это было знакомо. Это было безопасно. — Предлагаю эксперимент...

— Марк, дорогой, — я обернулась к салону, голос стал теплым, заботливым. — Ты не замерз? Принести тебе плед?

— Не стоит, — раздался его голос из глубины. — Я почти закончил.

Я отвернулась от салона, сделала несколько шагов к самому носу яхты, увеличивая дистанцию между нами метров до десяти. Спиной к нему, глядя на воду, я сфокусировалась. Не на цифрах. На проверке качества сигнала.

Я собрала в уме самый отвратительный, многослойный образ, какой смогла придумать, и мысленно, с силой, «швырнула» его в пространство между нами:

«Растаявшая «Рафаэлло» в миске с томатным супом. Белые хлопья кокоса в красной жиже.» — Сконцентрировавшись на контрасте: липкой сладости, кислом томате и нежной, но чужеродной текстуре кокоса.

Я ждала, не оборачиваясь, чувствуя, как ветер вырывает слезы из глаз. Через две секунды — услышала за спиной короткий, прерывистый звук, будто человеку внезапно перехватило дыхание. Я обернулась ровно настолько, чтобы краем глаза увидеть: он стоял, слегка согнувшись, одна рука сжимала перила, а пальцы другой судорожно потирали переносицу. На его лице была не просто гримаса отвращения — это было выражение глубокой, почти физической травмы, нанесенной вкусовым рецепторам.

Его мысленный голос прорвался ко мне, сдавленный и полный ярости:

«Рафаэлло... в томатном супе. Боже. Это даже хуже картофельного мороженого. Теперь, ради всего святого, прекрати этот гастрономический террор, или я в порядке возмездия поделюсь с тобой воспоминанием, как в десять лет откусил червяка, приняв его за железного червячка. Со всеми деталями. Навсегда.»

Угроза была настолько специфической, мерзкой и личной, что у меня непроизвольно дернулось плечо. Он не просто парировал — он поднял ставки, перейдя на новый уровень интимности обмена кошмарами.

Я мысленно послала капитуляцию, но с условием:

«Перемирие. Ментальная кухня закрыта. Но если твой червяк появится в моей голове — война возобновится, и в ход пойдет мое секретное оружие: воспоминание о запахе тухлого яйца в лифте на моей прошлой работе. Оно выветривалось неделю.»

Он кивнул, не глядя на меня, все еще слегка бледный. Договоренность была достигнута. Мы оба чувствовали легкую тошноту — то ли от качки, то ли от обмена ментальными гадами и абсурдностью ситуации.

Он резко выпрямился, провел рукой по лицу, сметая остатки отвращения, и его взгляд упал на столик, где стюард расставлял бокалы. Казалось, он искал что-то, что могло бы перебить привкус нашего "эксперимента".

— Знаешь, что сейчас будет идеально? — сказал он, и его голос снова приобрел светскую легкость, но в нем слышалась твердая решимость сменить тему. — Что-то очень холодное, очень простое и с абсолютно предсказуемым вкусом. Без... сюрпризов. — Он повернулся ко мне, и в его взгляде читался немой вопрос и предложение: *«Давай проверим, сможем ли мы говорить друг с другом на двух уровнях одновременно».* — Какой коктейль предпочитаешь? С зонтиком или без?

Я поняла. Это была проверка на разделение каналов: светский диалог для всех и подтекст — для нас.

Я позволила себе легкую улыбку, как если бы мы просто флиртовали.

— О, обязательно с зонтиком, — сказала я, вкладывая в слова тот самый двойной смысл. — Двумя. На случай, если один сломается. *«Мне нужно хоть что-то, за что можно держаться в этом безумии»*, — пронеслось у меня в голове, и я намеренно позволила мысли просочиться к нему, проверяя, поймает ли он оба слоя.

— Мудро, — он кивнул, и в его глазах мелькнуло нечто вроде уважения. *«Ты вообще все продумываешь или только когда рядом опасность в виде меня и моего любопытства?»*

«Я вообще ничего не продумываю, — выдохнула я мысленно, позволяя себе эту крошечную честность. — Я просто очень талантливо делаю вид, что у меня есть план. Спойлер: плана нет. Есть только ты, я и два зонтика в коктейле. И чувство, что это все плохо кончится.»

В этот момент дверь салона распахнулась. Марк вышел, отложив телефон. Его взгляд, острый как скальпель, скользнул от меня к Артему, вымеряя расстояние, атмосферу, тишину, что повисла между нами.

— Все улажено, — произнес он, и в его голосе прозвучала легкая, неосознанная ревность к тому уединению, которое он упустил. — Вы, кажется, хорошо справляетесь без меня.

— О, мы просто обсуждали важные вопросы жизнеобеспечения, — парировала я с той же игривой легкостью. *«Он что-то подозревает?»*

— В отличие от наших скучных алгоритмов, — добавил Артем, подыгрывая. Его мысленный импульс был коротким и ясным: *«Не думаю. Он фиксирует динамику. Канал глушим. Сейчас.»*

Я сделала глоток воздуха, заставив мышцы лица расслабиться в беззаботной улыбке. Легче сказать, чем сделать — «глушить» поток мыслей, который только что казался таким же естественным, как дыхание. Я сосредоточилась на тривиальном: на прохладе бокала в руке, на счете в уме, на нейтральном образе офисного здания. Что-то плотное, скучное, непроницаемое.

Марк подошел ближе, его взгляд изучал наши лица.

— Кажется, я прервал какую-то оживленную беседу, — заметил он, и в его тоне прозвучала не просьба поделиться, а требование отчета.

— Всего лишь спор об эффективности декоративных элементов в клиентском сервисе, — легко парировал Артем, поднимая свой бокал в сторону зонтиков в моем коктейле. — Ваша жена настаивает на двойном резерве. Я же считаю, что избыточность в деталях иногда вредит эстетике.

— Лера всегда предпочитает перестраховаться, — Марк положил руку мне на талию, его прикосновение было тяжелым, обладающим. — Особенно в незнакомой обстановке. Но, кажется, здесь она может позволить себе расслабиться. Не так ли, Артем?

— Безопасность гостей — наш абсолютный приоритет, — ответил Артем, и его слова прозвучали как девиз отеля, но наши глаза встретились на долю секунды. И сквозь тот самый, едва приглушенный канал, на меня хлынула не мысль, а чувство — резкое, колющее, чужое. Быстрый, как вспышка, спазм чужого раздражения, почти ярости, направленной на руку Марка на мне. Оно было таким ярким и чужим, что у меня внутри все екнуло.

Он тут же поймал себя, отсек этот поток. Его лицо осталось безучастным. Но было поздно. Я уже почувствовала. Этот внезапный, жгучий всплеск чего-то, что он тут же спрятал под ледяной маской.

Он первым отвел взгляд, сделав вид, что обдумывает слова Марка. Но я знала. Он не просто наблюдал. Он ощущал. И то, что он ощутил, испугало его самого.

Остаток времени на яхте прошел в гладком, отточенном потоке светских тем и деловых уточнений. Я говорила, смеялась, кивала. А внутри строила стену. Кирпичик за кирпичиком — счета, графики, списки дел на завтра. Артем тоже пытался контролировать утечку. Наши мысли теперь напоминали тихие, заглушенные радиопереговоры шпионов на вражеской территории.

Когда мы сошли на причал, прощание было безупречным. Рукопожатие с Артемом — крепким, кратким, абсолютно деловым. Но в момент, когда наши ладони разомкнулись, он не удержал — или намеренно послал? — последний импульс. Не цифру. Не образ.

Он послал вкус.

Тот самый, навязчивый, смешной и отвратительный привкус, с которого все началось. Комбинацию сладкого мороженого и жирной жареной картошки. Он ударил по моим рецепторам так ярко, что я непроизвольно сморщилась.

Я встретила с его взглядом. В его глазах стояла та же гримаса — смесь брезгливости и торжества. Он не сказал ни слова. Но смысл был ясен: *«Доказательство связи все еще в силе. И я могу напомнить о нем, когда захочу.»*

Это была не угроза. Это было напоминание о договоре. О нашем абсурдном, частном альянсе.

Я села в машину, не оглядываясь. Марк что-то говорил о предстоящих переговорах, его голос был фоновым шумом. Я закрыла глаза, откинувшись на подголовник. На языке все еще стоял тот дурацкий привкус — сладкий, маслянистый, несуществующий.

Страх никуда не делся. Но теперь к нему примешалась другая, опасная и пьянящая нота — азарт. У нас был секрет. Общий. И инструмент, которым мы пока не умели пользоваться, но уже научились его прятать. И у этого инструмента был наш личный, идиотский пароль — «картофельное мороженое».

Мы не могли доверять друг другу. Но мы были связаны сильнее, чем любой договор о доверии. Связаны знанием, что реальность — не то, чем кажется.

Глава 10. Уроки плетения

Олдвуд.

1 октября 1639 год.

Тетя Аглая разожгла в очаге не просто огонь. Она разожгла тишину — густую, звенящую, в которой треск поленьев отдавался громче криков. Мне было тринадцать, и я сидела напротив, следя, как ее руки, покрытые тонкой паутиной морщин, разбирали пучок разноцветных нитей.

— Смотри, Азизе, — ее голос был ровным, как поверхность лесного озера в безветренный день. — Кажется, что это просто нитки. Шерсть, лен, шелк. Но каждая из них помнит. Помнит руки, что ее прядли, солнце, что сушило лен, шелкопряда, что ткал свой кокон.

Она взяла первую нить — темно-синюю, как ночное небо перед грозой.

— Это — событие. — Она привязала ее к старому веретену, что всегда лежало у нас в доме. — Кажется, оно одно. Изолировано. Но посмотри.

Ее пальцы начали работу — быстрые, уверенные. Она не плела полотно. Она создавала нечто хаотичное, переплетая синюю нить с зеленой, потом добавила алую.

— Это — последствия. Решение. Встреча. Каждое действие, каждое слово, каждый вздох — это новая нить. — Алая нить пересекла синюю, затем обвила зеленую. — Они кажутся случайными. Беспорядочными. Но здесь, — она указала на узел, где все три нити сошлись воедино, — рождается судьба.

Я смотрела, завороженная. В ее руках рос не узор, а лабиринт.

— Но как понять, куда они ведут? — спросила я. — Все кажется таким... бессмысленным. Одна нить ведет к радости, другая — к потере. Как отличить?

Тетя Аглая на мгновение остановилась, и ее взгляд стал бездонным.

— Ты не можешь отличить, дитя. Пока не дойдешь до конца. Запомни: за каждым событием, каким бы малым или случайным оно ни казалось, всегда есть мотив. Мотив души, мотив земли, мотив самой жизни. Судьба не плетет беспорядочную паутину. Каждая нить, каждый узел — это шаг. Шаг к финалу, что уже ждет тебя в конце пути.

Она дернула за одну из нитей — кажется, самую незначительную, серенькую. Вся сложная конструкция дрогнула, и несколько узелков сместились, изменив рисунок.

— Видишь? Одно маленькое событие. Кажется, ничего не значащее. А оно меняет все. — Она положила веретено мне на колени. Нити были теплыми от ее рук. — Наш дар — не в том, чтобы видеть весь узор. Он слишком велик. Наш дар — в том, чтобы чувствовать натяжение нитей. Чувствовать, когда судьба дергает за одну из них, и понимать, что это не случайность. Это — указание. Призыв внимательнее смотреть под ноги, потому что тропа меняется.

Ты особенная Азизе. Ты сможешь не только просматривать реальность, и выбирать для себя самый верный путь, но и исказить реальность, даже если путь уже выбран.

Я взяла веретено. Нити казались хрупкими, но, потянув за одну, я почувствовала сопротивление всей сети.

— Они всегда ведут к какому-то финалу? — прошептала я.

— Всегда, — тетя Аглая положила свою шершавую ладонь мне на голову. — Даже если этот финал — новое начало. Ничто не происходит просто так, Азизе. Запомни это. Даже самая горькая потеря, самая темная ночь — это нить в узоре. И если ты последуешь за ней, она приведет тебя к свету. Может быть, не сразу. Может быть, через боль. Но приведет. Потому что все в этом мире связано. Все...

Ростов на дону. 1 октября 2025г. 07:08.

2 месяца назад

Я проснулась от собственного внезапного вздоха, словно пытаюсь вдохнуть воздух из другого времени. В груди колотилось сердце, а в ушах стоял тихий шепот — не звук, а само ощущение шепота, будто кто-то только что говорил со мной во сне.

«Ничто не происходит просто так, Азизе».

Последние слова сна эхом отдавались в сознании, ясные и четкие, как будто тетя Аглая стояла прямо здесь, в моей темной спальне. Перед глазами еще стоял призрачный образ сплетенных нитей — хаотичных, но прекрасных в своей сложности.

Я провела ладонью по лицу, пытаюсь стряхнуть остатки сна. Но ощущение не уходило. Вместо него в груди поселилось странное, щемящее чувство — не тревога и не страх, а скорее... ожидание. Тонкое, но неумолимое натяжение, будто за невидимую нить, привязанную куда-то глубоко внутри, кто-то осторожно, но настойчиво дернул.

Я встала и подошла к окну. За стеклом спал обычный ростовский двор, окутанный пред-рассветной мглой. Все было таким же, как вчера, как всегда. Но что-то изменилось. Воздух будто сгустился, заряженный грядущим событием, которого я еще не знала, но уже чувствовала кожей.

К чему ты ведешь меня? — мысленно спросила я ту силу, что дернула за нить. Ответом была лишь тишина, но в ней читалась вся неизбежность надвигающейся бури.

Я не знала, что случится. Не знала, когда. Но впервые за долгое время я была абсолютно уверена — что-то должно произойти. Что-то важное. Что-то, что перевернет все с ног на голову.

И все, что мне оставалось — это ждать.

Ждать и пытаться разглядеть в туманных намеках судьбы хоть какой-то намек на грядущий узор.

Глава 11. Рациональный выбор.

1 октября 2025 г. 20:36

Марк.

Благотворительный вечер. Скучнейшее мероприятие, но необходимое для поддержания статуса. Я стоял рядом с главной стервой в моей жизни – моей мамой, стараясь не смотреть на часы. Ирина Викторовна, как всегда, была главным спонсором моего личного ада.

— Перестань строить из себя идиота, Марк. Старый хрыч Хаванский наконец поднял лапки. — Ее губы растянулись в улыбке, от которой захотелось вымыть руки с мылом. — Твой отец грохнул полжизни, пытаюсь его обойти. А ты получишь все одним махом. Если, конечно, не поведешь себя как обычный мудака.

— Я уже подготовил...

— Ты подготовил ничего — она перебила с сладкой улыбкой. — Сергей Хаванский — тот еще уебок. Для него «идеальный партнер» — это тот, у кого жена, два ребенка и собака, которую он выгуливает по воскресеньям. Такая вот буржуазная сказка, которую его собственный сын предпочел заменить на коктейльные вечеринки на пляже и случайных телок.

Я усмехнулся:

— Ага, и теперь я должен изображать Артема, каким он хотел его видеть? Поистине восхитительная ирония.

— Именно, — ее пальцы впились в бокал так, будто это было горло. — А ты не так уж и далеко от него ушел! Тридцать пять, одиночек. Все, что у тебя есть — это твой пентхаус и тысячи подчиненных. Для него ты — такой же нестабильный партнер, как и его сын, который в любой момент может все бросить и уехать в Тайланд медитировать.

— Мам, и что? Ты мне предлагаешь сейчас снять проститутку и взять на прокат пару детишек из рекламы молочного коктейля? — огрызнулся я. — Собакой тоже обзаведусь, если это так принципиально.

— Милый, не будь кретином. Я предлагаю тебе жениться. На правильной кандидатуре, — ее голос стал масляным. — София. Дочь Шульца. Идеальная кровь, нужные связи, приличные сиськи. И ее папочка так мечтает породниться с нашим капиталом.

Меня чуть не вырвало прямо на паркет.

— Как элегантно. Ты убиваешь сразу двух зайцев: пристраиваешь меня и заодно подписываешь контракт с Шульцем. Гениальная стерва.

— А есть возражения? — она придвинулась так близко, что я почувствовал запах ее дорогих духов и дешевого цинизма. — Это выгодно. Эффективно. И, что важнее всего, дает мне уверенность, что ты не совершишь опрометчивых шагов с этим партнерством с Хаванским.

— Нет уж, мама, — я отступил. — Я не стану жить с этой истеричкой и не стану твоей брачной пешкой. Мой отдел маркетинга и так терпит постоянную текучку кадров из-за этой сумасшедшей. И мне приходится терпеть ее, из-за того что Вы мне ее вручили как «ценный» актив для партнерства с Шульцем

— Тогда ищи себе жену сам, — ее улыбка испарилась. — Но запомни: у тебя не так много времени. Встреча с Хаванским уже через неделю. До этого времени тебе нужно определиться — ты будешь там со своей прекрасной невестой, о которой никто не знал, потому что ты держишь личную жизнь подальше от лишних глаз и прессы или...

Пока она продолжала вещать о репутации и семейных ценностях, мой взгляд блуждал по залу. Я искал ее. Ту самую, которая подошла бы под мои строгие критерии. Красивая, чтобы не стыдно было показать. Высокая — мне не хотелось нагибаться, чтобы расслышать ее. С хорошими манерами, чтобы отражала мой статус. И главное — не истеричка. Чтобы не требовала внимания 24/7 и не ебала мозг по выходам в кино или романтическим ужинам, когда можно

работать или играть в гольф с партнерами. Нужна была такая же фанатичка, как я. Та, для кого работа и карьера — главный приоритет. И чтобы не спорила. Совсем.

И тут я увидел ее.

Валерия.

Мой лучший стратег. Директор отдела аналитики. Единственный человек в холдинге, чей ум и цинизм могли поспорить с моим. Она работала у меня четыре года, и за это время превратилась из талантливого аналитика в незаменимый актив — тот, кому я доверял проверку самых рискованных расчетов и чье «нет» могло похоронить любую сделку. Всегда с макбуком под мышкой, всегда на шаг впереди.

Никогда не смотрел на нее так — не как на инструмент, а как на человека, который мог бы сыграть другую роль. А сейчас смотрю и понимаю — она идеальный кандидат.

Она стояла у высокого стола, слегка отстранившись от общей толпы. В одной руке — бокал с коктейлем, в другой — айпад. Взгляд — умный, сосредоточенный. Она была поглощена работой прямо посреди этого гламурного безумия.

Я подошел, встал рядом.

— Валерия, вы даже на благотворительном вечере не можете оторваться от отчетов? — мои слова прозвучали с легкой насмешкой.

Она вздрогнула и подняла на меня взгляд. В ее карих глазах не было привычного для других моих подчиненных напряжения. Был мгновенный, холодный расчет, будто она уже просчитывала, во сколько обойдется компании эта минутная потеря ее концентрации.

— Марк Игоревич. Просто проверяю данные перед завтрашним совещанием, — она попыталась убрать айпад, но я остановил ее жестом.

— Не стоит. Мне нравится, как вы эффективно игнорируете все лишнее. Хотя, возможно, вам стоит уделить больше внимания нетворкингу, — я окинул взглядом зал. — Это тоже часть нашей работы.

— Я предпочитаю работать с цифрами, — она слегка опустила глаза, и в этом жесте была не робость, а сфокусированность. Будто она на секунду перенесла все свое внимание с экрана айпада на скрытый подтекст моих слов, чтобы мгновенно его проанализировать.

— Цифры не выигрывают тендеры, Валерия. А вот правильное впечатление — да, — я взял бокал с шампанским с подноса проходящего официанта. — Кстати, о впечатлениях... У вас есть планы на создание семьи?

Она слегка нахмурилась, явно пытаюсь понять, к чему я клоню.

— Вы переживаете, не собираюсь ли я завтра уйти в декрет и оставить отдел аналитики без руководства? — в ее голосе прозвучала легкая насмешка, но тут же, будто спохватившись, она добавила: — Я думала, Вы хорошо меня знаете, чтобы предполагать такой вариант развития событий. Я не против партнера. Но он должен быть готов к тому, что мое лучшее «я» остается в офисе. Домашняя версия — это бета-релиз с кучей багов и проблем с прошивкой.

Предсказуемо. И поэтому — совершенно. Ее ответ лишь подтвердил, что выбор идеален. Никаких намеков на сентиментальность или материнские инстинкты.

— Выводы, достойные стратегического отчета. Хотя, если говорить о стратегическом планировании, иногда полезно рассматривать все аспекты жизни. Даже те, что кажутся... сугубо личными.

Она задумалась, подбирая слова.

— Марк Игоревич, раз уж мы заговорили о семейных ценностях, Вам бы, как раз стоило задуматься о предстоящей встрече по возможному партнерству с «GL Trade». Я слышала, их председатель совета директоров придает действительно большое значение... семейным ценностям.

— Да? Ну и как вы думаете, мне стоило бы поступить?

— Ну, возможно Вам стоит подумать о создании семьи, или даже детей. Общество от таких как Вы требует соответствие статусу. Холостяк — это бренд одиночки, которому нельзя доверить долгосрочные проекты. Семьянин — это бренд стабильности. Нужно просто выбрать правильную упаковку для вашего продукта.

— Это и правда интересное наблюдение. Вы знаете здесь почти всех топ-менеджеров. Как думаете, кто бы подошел на эту роль? — я приблизился, слегка наклонившись к ее уху. — Как Вам, например, Карина из юридического отдела?

Лера фыркнула, проводя пальцем по экрану айпада.

— О, да! Идеально! Она вас засудит при первой же попытке уйти с работы позже семи. Вам нужна... как бы помягче... покорная, но с дипломом. Чтобы и престижно, и не кусалась.

Я не сдержал улыбки, позволив пальцу коснуться края ее бокала.

— Блестяще. А София, директор по маркетингу? Она всегда такая... оживленная.

— Вы хотели сказать истеричная — Лера подняла на меня насмешливый взгляд. — Нет уж, вам нужна женщина, которая не будет падать в обморок, если вы забудете о годовщине. Которая, скорее сама забудет о ней, потому что в этот момент будет работать.

Мой палец медленно провел по ножке ее бокала.

— Такой прагматичный подход восхищает. Тогда, может, Олеся из финансового?

— С ней Вам будет слишком скучно, — она отхлебнула коктейль, прищурившись. — Вам же нужна не настоящая жена, а живой глянцево-аксессуар. Чтобы смотрелась в интерьере Вашей жизни и не портила воздух глупыми разговорами.

Я наклонился еще ближе, почти касаясь губами ее уха.

— А что бы Вы сказали о себе?

Она замерла. Бокал в ее руке дрогнул, и я почувствовал, как напряглось ее плечо.

— Оу, — она медленно повернула ко мне голову, и в ее глазах заплескались опасные искорки. — Я бы сказала, что я ужасная кандидатура. Я бы требовала отдельный офис в вашей спальне. И чтобы брачный контракт включал опционы на акции.

— Разумно, — я провел рукой по ее запястью, забирая айпад и откладывая его в сторону. — А еще?

— А еще я бы настаивала, чтобы мой рабочий стол был больше вашего. И чтобы мой бонус за удачное замужество был не меньше вашего годового бонуса.

Я не мог сдержать смешка, обвивая ее пальцы своими.

— Жадность — это хорошо. Жадных людей легко мотивировать.

— О да, — она позволила себе улыбнуться, но не отнимала руку. — Но я слишком требовательная. В моей личной таблице эффективности для пунктуальности отдельная графа с жесткими нормативами. Предупреждаю — никому еще не удавалось получить по ней высший балл. — Она сделала слишком глубокий вдох, и ее грудь под тканью платья резко поднялась, выдавая сбой в ее обычно безупречном самообладании. — Каждая минута опоздания будет стоить вам... давайте назовем это дополнительным образовательным модулем по тайм-менеджменту.

Я не мог сдержать смешка, обвивая ее холодные пальцы своими. Как же они дрожали, хотя голос звучал абсолютно уверенно.

— Тогда, — я поднес ее руку к губам, едва касаясь кожи, — нам стоит обсудить детали этого... стратегического альянса. За ужином.

— Марк Игоревич, вы что, приглашаете меня на свидание?

— Приглашаю на... оценку совместимости, — я склонился немного ближе, опустив голос. — В конце концов, даже у стратегических партнеров должен быть химический... резонанс.

Она медленно вынула руку из моей, поднимая бокал.

— Химический резонанс? Это что-то из вашего последнего отчета по слияниям и поглощениям?

— Нечто подобное, — я не отводил взгляда. — Так что? Готовы провести... Due Diligence?

Она сделала глоток, смотря на меня поверх края бокала.

— Due Diligence — обычно занимает несколько недель.

— У нас есть всего несколько дней до встречи с директором «GL Trade» Сергеем Хаванским, — я пожал плечами. — Придется ускорить процесс.

— Насколько ускорить? — в ее голосе зазвучал опасный интерес.

— Настолько, чтобы к завтрашнему вечеру понять, сможем ли мы... изображать семейную идиллию, — я позволил паузе затянуться. — Ресторан «Эсперато». Восемь вечера. Приходите без айпада.

— Без айпада? — она притворно ахнула. — А как же я буду вести протокол наших переговоров?

— Доверьтесь мне, — я мягко вынул бокал из ее руки и поставил его рядом со своим. — Иногда лучшие сделки заключаются без протоколов.

Прежде чем она успела ответить, я кивнул и отошел, оставив ее с двумя бокалами и невысказанным согласием в глазах. Идеально. Она уже проанализировала все риски и выгоды. Теперь оставалось лишь добавить немного... неопределенности.

2 октября 2025 г. Due Diligence

Я стояла перед зеркалом в своей квартире и не узнавала свое отражение. Черное платье — достаточно строгое, чтобы не кричать «отчаянные попытки соблазнить», но с таким разрезом, что заставляло меня десять раз поправлять ткань на бедре.

Весь день я пыталась работать, но цифры в отчетах плясали перед глазами, складываясь в саркастическую ухмылку Марка. Due Diligence. Он говорил о нашем свидании как о проверке активов. Ирония заключалась в том, что я, мастер по оценке рисков, сейчас не могла оценить самый главный риск — собственные нервы. «Успокойся. Это просто переговоры. Их были сотни», — твердила я, нанося помаду. И в этот момент моя безупречная стратегия дала сбой: рука дрожала, оставив алую черту на щеке. Черт. Черт. Черт.

«Он наверняка опоздает. Специально. Ради своего садистского удовольствия проверить мои нервы на прочность». Мысль заставила оскалиться в усмешке. Отлично. Я мысленно вооружилась красной ручкой для его воображаемого досье. «Минус десять за опоздание. Минус пять за высокомерие. И минус сто — за то, что я вообще позволила этой аванюре дойти до стадии примерки платья.»

Но под этой маской сарказма клубилась настоящая паника. А что, если он и правда считает это просто сделкой? А если... нет? Что если за всем этим цинизмом скрывается что-то еще? Нет, это глупо. С Марком Колосовым ничего не «скрывается». Все выложено на стол, как бухгалтерский отчет.

Я посмотрела на часы. 19:35. Шоу должно начаться. «Ну что, стратег, готова к Due Diligence?» — язвительно спросила я у своего отражения. Оно не ответило. Оно просто смотрело на меня широкими глазами перепуганной девочки, которая забыла слова своей же роли.

Такси мчалось по ночному городу. Я сжала в руке телефон, проверяя и перепроверяя адрес. «Ресторан «Эсперато». Восемь вечера». Его слова эхом отдавались в голове.

Когда машина остановилась у подножья роскошного здания, у меня перехватило дыхание. Это был не просто ресторан. Это было заявление. Место, куда приходят, чтобы увидеть и быть увиденным. Идеальный фон для нашего спектакля.

Я вошла внутрь, чувствуя, как у меня подкашиваются ноги. Глаза искали его в полумраке зала...

И нашли.

Он сидел за столиком у окна, с видом на ночной город. Не в своем обычном безупречном костюме, а в темной водолазке, от которой его глаза казались еще пронзительнее. Он смотрел на меня, и в его взгляде не было привычной деловой оценки. Было... ожидание.

Он не опоздал. Он пришел раньше.

«Черт», — пронеслось у меня в голове. «Минус десять баллов... мне».

Он поднялся, чтобы встретить меня. И в этот момент все мои подготовленные деловые фразы, все расчеты и КРІ разлетелись в прах. Осталось только щемящее, дурацкое, совершенно непрофессиональное ожидание.

— Валерия. Полагаю, я должен сделать пометку в вашем личном деле: склонность к патологической пунктуальности даже на неофициальных мероприятиях. — Он поднялся, и его взгляд, быстрый и цепкий, провел полную инвентаризацию моего образа. В нем не было привычной деловой сдержанности, только... теплое, заинтересованное любопытство. — Но вы, как всегда, безупречны. Мне это нравится.

— Вы вчера назвали это аудитом совместимости, если не ошибаюсь. — Я откинулась на спинку стула, надев маску полного спокойствия. — А я всегда веду протокол. И серьезно отношусь к... слияниям.

На его губе дрогнула знакомая, лишенная тепла усмешка.

— Отлично. Тогда предлагаю перейти к делу. Обсудим наши... операционные издержки? — он кивнул сомелье, который тут же наполнил мой бокал красным вином. — Я, например, считаю, что совместное проживание потребует отдельного бюджета на кофе. Я пью только гейзерный, вы, насколько я помню, предпочитаете латте.

Так начался наш странный «бриф». Мы говорили о бытовых мелочах, как о условиях договора. О том, как часто мы будем появляться на публике (не реже двух раз в неделю), как объясним помолвку моим родителям – мы решили сказать, что давно и тайно встречались, но не афишировали отношений. Говорили о брачном контракте, о финансовых условиях, о том, как объявим о отношениях в офисе. Это было цинично, расчетливо и... на удивление легко. Мы говорили на одном языке — языке цифр, выгоды и управляемых рисков.

Но по мере того, как опустошался первый бокал, а за ним и второй, что-то начало меняться. Его вопросы стали менее формальными.

— А ваши родители? — спросил он, отодвигая тарелку с десертом. — Они действительно поверят, что их дочь-трудоголик внезапно влюбилась в своего босса?

— Мама будет счастлива, что я вообще выхожу замуж, — я сделала глоток вина, чувствуя, как алкоголь размягчает острые углы моей собранности. — А папа... как бы это сказать, мои родители из обычной семьи. Их не интересуют Ваши годовые обороты.

Марк удивился, и в этот раз это было искренне.

— А что вы скажете, если они спросят о... ну, о чувствах?

Вопрос повис в воздухе. Мы смотрели друг на друга через стол, и вдруг вся наша деловая игра показалась нелепой.

— Я скажу, что вы... целеустремленный, — выдавила я, чувствуя, как глупо это звучит.

— А я скажу, что вы... невыносимо амбициозны, — его голос стал низким, тягучим, а взгляд, казалось, физически ощупывал каждую мою реакцию. — И что это меня чертовски заводит.

От этих слов по моей коже пробежали мурашки. Игра зашла на опасную территорию.

— Вас и правда это заводит?

— Возможно...

Между нами повисла неловкая пауза.

Именно в этот момент он поймал взгляд официанта и сделал едва заметный жест.

— Знаете, Валерия, мы уже обсудили все ключевые параметры нашего... альянса, — он откинулся на спинку стула, его взгляд стал томным, тяжелым. — Дальнейшее обсуждение

напоминает мне планерку в понедельник утром. А мне, как ни странно, сегодня не хочется больше работать.

— Что вы предлагаете? — спросила я, чувствуя, как учащается пульс.

— Давай на пару часов выйдем из наших стандартных ролей. Перейдем на «ты». Забудем про KPI, Due Diligence и все эти контракты. — Он придвинул ко мне свой бокал с ромом. — Я предлагаю просто напиться. И, возможно, даже повеселиться. Как ты на это смотришь?

Глупая, предательская улыбка расползлась по моему лицу. Это была ужасная идея. Самая ужасная идея в моей жизни.

— Я так понимаю, отказ может отразиться на моем бонусе за «удачное замужество»?

— Наверняка отобразится — он наклонился через стол, и его голос стал низким, интимным.

Я посмотрела на его бокал, потом на его глаза — темные, полные обещания какого-то безумия. И поняла, что все мои таблицы эффективности, все расчеты и планы летят к черту.

— Обычно, мы переходим на «ты», только когда пытаемся разорвать друг друга в споре.

— Ну, сегодня давай попробуем в мирных целях, для разнообразия.

— Ладно, только я предпочитаю виски. — я выдохнула, беря его бокал и делая маленький глоток, чувствуя, как обжигающий ром разливается теплом по всему телу. — И предупреждаю, я совершенно не умею пить. После третьего шота я начну рассказывать анекдоты про бухгалтерию.

— О, это я должен это услышать, — он широко улыбнулся, и в его взгляде было столько азарта, что у меня перехватило дыхание. — Официант! Принесите нам бутылку The Macallan, двадцатилетний, пару рюмок и легкие закуски. И забудьте про десерт. Кажется, наша встреча только начинается.

The Macallan... Он помнил. От этой мысли что-то екнуло внутри — странная смесь обиды и... чего-то теплого, что не стоило сейчас анализировать.

Бутылка пустела с подозрительной скоростью. Я чувствовала, как стены моего самоконтроля рушатся под натиском алкоголя и его непривычно раскрепощенного поведения.

— Знаешь, Лер, — его слова слегка заплетались, что было для него невыносимо в трезвом состоянии. — Все эти годы я смотрел на тебя на совещаниях, на наших совместных переговорах... такая собранная, такая невозмутимая. И думал: «Интересно, а что нужно, чтобы эта женщина потеряла контроль?»

Я фыркнула, поднося канапе с оливкой к губам. Голова приятно кружилась.

— Снижение плана по эффективности и два дополнительных штата в отдел. Это всегда срабатывает.

— Не в этом дело, — он наклонился через стол, и его взгляд стал тяжелым, пристальным. — Я сейчас не о работе. Я о том, что ты прячешь под этой маской сдержанности, сводками и идеальным платьем.

Его рука легла на мою, палец начал водить по внутренней стороне запястья. Простой жест, но он сжег всю дистанцию между нами, оставив на коже мурашки и звон в ушах.

— И что же, по-твоему, я прячу, Марк? — спросила я, и голос прозвучал хриплее, чем я предполагала.

— Я хочу это выяснить, — он поднялся, его движения были чуть замедленными от выпитого, но от этого не менее властными. Его рука нашла мою, пальцы сомкнулись вокруг ладони — теплое и неумолимое приглашение. — Поехали ко мне. Сейчас.

— Марк, мы оба пьяны, — я попыталась высвободиться, но его хватка была твердой. — Это... неразумно.

— С каких пор ты стала такой благоразумной? — его шепот коснулся уха, губы едва не касались кожи, а теплое дыхание смешалось с запахом его парфюма. — Иногда нужно просто... перестать... анализировать.

Что-то в его тоне сорвало последний предохранитель. Я не ответила. Но когда его пальцы сплелись с моими в неумолимый замок, я не вырвалась. Я позволила ему поднять меня со стула, провести через ресторан к выходу, накинуть мне на плечи пальто. Все происходило в гипнотической, ускоренной съемке. Из-за шока или из-за виски, теперь уже не так важно. Его водитель уже ждал у входа. Мы молча сели в машину, молча проехали через ночной город, молча вошли в холодный, сияющий мрамором холл его башни. Он не отпускал мою руку ни на секунду.

Лифт поднимался бесшумно, но в моих ушах стоял гул. Гул собственных мыслей, смешанный с тихим звоном от выпитого виски. Между нами в зеркальной кабине — сантиметры раскаленного воздуха. Мы не смотрели друг на друга. Мы смотрели на наши отражения: он — каменный профиль, я — слишком бледное лицо с горящими глазами.

Двери разъехались беззвучно. Он вышел первым, не оборачиваясь. Его рука — инстинктивный, властный жест — легла на дверь, удерживая ее для меня. Не галантность. Привычка контроля. Я сделала шаг на кафель его пентхауса.

Передо мной была не квартира. Это был двухуровневый объем воздуха, стекла и холодного мрамора. Панорамные окна от пола до потолка открывали ночной город, как дорогую, но бездушную картину. Все было безупречно, стерильно и так тихо, что звенело в ушах.

Я замерла на пороге, внезапно осознав чудовищность шага. Мои каблуки, острые и черные, впивались в холодный мрамор — последняя точка опоры в знакомом мире. Без лишних мыслей, одним плавным, почти вызывающим движением, я сняла туфли. Оставила их посреди пола — два черных клина, брошенных на его территории. Теперь я была ниже. Более уязвимая.

Он рассмотрел этот жест. Брови чуть приподнялись — не удивление, а признание хода. Снял пиджак, не сводя с меня глаз, и бросил его на спинку дивана. В водолазке, без пиджака, он казался другим — более опасным, более реальным...

Потом подошел.

Его пальцы нашли застежку моего пальто. Не торопясь. Щелчок защелки прозвучал громче выстрела в этой тишине. Ткань соскользнула с моих плеч, и я невольно вздрогнула от притока прохладного воздуха. Он поймал пальто на лету, отвлекся на секунду, чтобы повесить его.

Этот момент, эта бытовая, вежливая секунда — была последней отсрочкой. Последним глотком воздуха перед погружением в бездну.

Когда он снова повернулся ко мне, в его глазах не осталось ничего вежливого. Только сконцентрированная, почти хищная сосредоточенность. Он подошел вплотную, не касаясь. Но его тепло уже обжигало мою кожу.

— Ну что, стратег, — его голос был низким, бархатным от выпитого виски и напряжения. — Отчет по аудиту совместимости готов? Или Due Diligence еще продолжается?

— Due Diligence выявил критический риск, — сказала я, и мой голос прозвучал удивительно ровно. — Полное отсутствие контрольных точек. Невозможность прогнозирования результата.

— Ты не можешь спрогнозировать результат? Блеф. Расскажи мне твой прогноз на самый вероятный и худший сценарий. Самый катастрофический. Чего ты боишься на самом деле? — его вопрос прозвучал тихо, обезоруживающе прямо.

Я перевела взгляд на наше отражение в огромном зеркале и замолчала, уставившись туда с такой сосредоточенностью, что он невольно проследил за направлением моего взгляда. Он медленно обернулся, и наша сцена предстала перед нами в холодном, безжалостном стекле.

— Худший сценарий? Ладно, — прошептала я уже не ему, а нашему двойнику в зеркале. — Видишь его? Того, кто всегда все контролирует. Чьи тихие, насмешливые замечания я потом разбираю по полочкам ночами, ища скрытый смысл. Моего личного катализатора и главного критика в одном лице. Он умрет сегодня.

Слова повисли в тишине. Я видела, как они достигли цели.

— И видишь ее? Твой живой, дышащий алгоритм. Безупречный инструмент, который ты сам заточил. Которая всегда дает правильный ответ, даже когда ты не хочешь его слышать. Которая за эти годы стала продолжением твоей воли. Она умрет тоже. Вместе с ним. Вот чего я боюсь. Что мы уничтожим все хорошее друг в друге, и еще больше боюсь тех, кто придет на их место.

— Хорошее? — он горько усмехнулся, и в его глазах мелькнуло что-то вроде усталости и горечи. — Ты называешь это хорошим? Я создал систему, где единственной ценностью была эффективность. А ты стала ее идеальным продуктом. Продолжением не моей воли, Лера. Продолжением моего самого большого недостатка — неспособности видеть в людях что-то, кроме функции. Но у тебя все еще есть шанс спасти старую версию себя. Уйти. Вызвать такси. Сделать вид, что этого разговора вообще не было. Вернуться к нашим прежним предсказуемым ролям.

Его слова о такси и предсказуемости повисли в воздухе, холодные и разумные. Они должны были испугать. Вместо этого они обернулись к нему же острым краем.

— «Шанс»? — Я повторила его слова с легкой, почти беззвучной усмешкой. — Ты ошибаешься. Шанс был у тебя — не ставить меня вчера перед этим выбором. — Я посмотрела в сторону огромных окон, на город, а потом вернула взгляд на него. — Теперь есть только факт. Мы здесь. Так что хватит кормить меня этой ложью о спасении. Если ты хочешь, чтобы я боялась — заставь. Если хочешь, чтобы я осталась — возьми. Но не предлагай мне спасения, которого не существует.

Тишина после моих слов была оглушительной. Воздух сгустился, стал вязким и тяжелым.

Он не сказал ни слова. Вместо этого его рука взметнулась и впиалась мне в волосы на затылке — властно, неумолимо, притягивая мое лицо к его. В его взгляде не осталось места для игры. Была только голая, всепоглощающая жажда.

Его поцелуй был не ответом. Он был повсюду.

Он ворвался в мое пространство с такой силой и яростью, что у меня перехватило дыхание. В этом поцелуе не было ни капли нежности, только яростное утверждение власти, поглощение, попытка заткнуть мне рот самым примитивным и действенным способом. И я ответила ему тем же — вцепилась в его водолазку, кусая его губы, позволяя ярости и отчаянию вырваться наружу в этом взаимном уничтожении.

Он разорвал поцелуй так же резко, как начал. Дыхание сперло. Его глаза, темные и дикие, метнули на меня вызов.

— Заставлю, — прошипел он хрипло, и в одном этом слове была вся мощь его обещания. — И возьму.

Его руки схватили мои бедра, пальцы впились в плоть, и он резко развернул меня к дивану. Спина к нему, лицом к холодной кожаной спинке. Один его толчок — и я упала вперед, упершись локтями в мягкую поверхность. Прежде чем я успела опомниться, его вес придавил меня сверху, а его рука просунулась между моим животом и диваном, резко дернув вверх. Заставив приподняться на коленях, выгнув спину дугой.

— Вот так, — его голос гудел у меня за спиной, губы коснулись позвонка на шее. — Без лиц. Без глаз. Без твоих чертовых расчетов. Только тактильные ощущения. Запомни их.

Его ладонь легла мне между лопаток, прижимая вниз, в то время как его другая рука стаскивала с меня остатки платья и трусиков одним грубым движением. Воздух коснулся обнаженной кожи, и я вздрогнула.

Я слышала, как он сзади сбрасывает с себя джинсы, как застегнутый ремень звякнул о пол. Потом его руки снова на моих бедрах, сильные, уверенные. Большой палец провел по мокрой, чувствительной складке между ног, и я ахнула, впиваясь ногтями в кожу дивана.

Его дыхание сбилось. На секунду он замер, собирая остатки контроля. Потом его пальцы сжали мои бедра до синяков.

И он вошел.

Не медленно, не давая привыкнуть. Он вогнал себя в меня одним мощным, глубоким толчком, от которого у меня потемнело в глазах. Боль, острая и яркая, тут же растворилась в шквале ощущений — чувстве полного, почти невыносимого заполнения, жара, давления. Он замер на секунду, полностью погруженный, его живот прижат к моим ягодицам, его дыхание обжигало спину.

Потом он начал двигаться. Короткие, жесткие, безжалостные толчки. Он не искал моего ритма. Он диктовал свой. Каждое движение вгоняло меня в кожу дивана, сотрясало все тело, выбивало из легких воздух. Он держал меня за бедра, контролируя глубину и угол, находя самые чувствительные точки с хирургической, жестокой точностью.

Стоны вырывались из меня помимо воли — прерывистые, хриплые. Я пыталась оттолкнуться, сменить позу, найти точку опоры, но он лишь сильнее прижимал меня, его пальцы впивались в плоть, оставляя синяки.

— Решила сбежать? — его голос, низкий и хриплый, коснулся моего уха. — Не кажется, что немного поздно для этого?

— Я не пытаюсь сбежать, — выдохнула я. — Я пытаюсь не задохнуться.

Его усмешка коснулась моего затылка — теплая, медленная, опасная.

— А разве я вообще разрешал тебе дышать?

Пальцы на моих бедрах сжались сильнее, и он вошел глубже — ровно настолько, чтобы я забыла, зачем вообще нужен воздух.

Его темп ускорился, становился неистовым. Звук шлепающей кожи, его тяжелое дыхание, мои приглушенные крики — все слилось в один примитивный, неумолимый ритм. Сознание сузилось до ощущений: жар его тела на моей спине, железная хватка его рук, сокрушительное движение внутри, выжимающее из меня последние капли контроля.

Одна его рука отпустила бедро, проскользнула под моим телом, нашла скрытую, сверхчувствительную точку и прижала. Конвульсивная волна наслаждения смыла все. Я закричала, тело выгнулось в судорожной дуге, бесконтрольно сжимаясь вокруг него.

Его собственный стон, низкий и победный, прозвучал у меня в ухе. Он вогнал себя в меня еще несколько раз, глубоко, до упора, и я почувствовала внутри горячие всплески его спермы.

Он замер, и его тело на мгновение обмякло, всем весом придавив меня к дивану. Затем его руки, все еще лежавшие на моих бедрах, дрогнули. Не ослабили хватку, а просто... уступили силе тяжести. Он медленно, осторожно выскользнул из меня, и это движение, такое интимное и окончательное, заставило меня вздрогнуть.

Его ладони скользнули с моих бедер на талию, повернули меня на бок — уже не властно, а с какой-то странной, уставшей нежностью. Я сползла с колен, рухнув на мягкую кожу дивана лицом к спинке. Все тело гудело, ноги не слушались.

Он последовал за мной, прилег сзади, повторяя изгиб моего тела. Его рука обвила меня за талию, притянула спиной к его груди. Его кожа была горячей и липкой, его дыхание — тяжелым и не ровным у меня в волосах.

Я лежала неподвижно, но дрожь, мелкая и неконтролируемая, все еще пробегала по коже. Не от холода. От шока. От того, что только что произошло. Я почувствовала, как его дыхание на моем затылке изменило ритм.

Медленно, будто преодолевая сопротивление собственного тела, я повернулась к нему. Мы оказались лицом к лицу в полумраке. Я видела его глаза — темные, изучающие, без привычной стальной завесы. Видела его разбитую, запекшуюся кровью губу — след от моего укуса. Видела на его предплечье красные полосы — возможно, от того, как я вцеплялась в него, когда он держал меня за талию. На моей коже тоже были его отметины — синяки от пальцев на бедрах, жгучее ощущение ожога там, где его зубы коснулись плеча.

Мы лежали голые, в странной, звенящей тишине после битвы. Два противника после взаимного уничтожения.

— Факт, — тихо сказал он, и в его голосе не было ни торжества, ни сожаления. Только усталая, окончательная констатация. — Принят и задокументирован.

Слова повисли. Мой собственный голос прозвучал хрипло и неуверенно:

— И к какой статье расходов его отнести? К форс-мажору или... стратегическим инвестициям?

Уголок его рта дрогнул, растягивая ранку. Не улыбка. Скорее, признание удара. Мой сарказм, этот последний бастион, все еще работал.

— К первоначальным затратам, — парировал он так же тихо. — К тем, что списываются долго и болезненно. Но без них нельзя начать новый проект.

Я ничего не ответила. Просто закрыла глаза, вдруг смертельно уставшая от этой игры в слова, которая даже сейчас не прекращалась.

Он встал с дивана, и его силуэт, темный и массивный на фоне светлеющего окна, на мгновение заслонил весь мир. Он не оглянулся.

Прошел к скрытой гардеробной и вернулся через минуту, уже в спортивных штанах и неся в руках огромный плед из кашемира. Молча накинул его на меня, укрывая с ног до головы, будто закутывая в кокон. Его прикосновение было неожиданно бережным. Потом сел рядом, на пол, спиной к дивану, так что его плечо почти касалось моей ноги под пледом. Он смотрел в пространство, его профиль в предрассветных сумерках был лишен всякого напряжения, обнажая непривычную, почти болезненную усталость.

— Через четыре часа начнется рабочий день, — сказал он своим обычным, совещательным голосом, но с какой-то новой, хриплой нотой. — Тебе нужно: душ, сон, смена одежды, крепкий кофе и... — он запнулся, будто подбирая самое нейтральное, необходимое слово, — и завтрак. Я отправлю водителя к тебе утром, чтобы он смог привезти твою одежду. Завтра у нас совещание в двенадцать. Но тебе не обязательно ехать со мной утром. Выспись и приезжай к этому времени. Завтрак будет на столе.

— Через четыре часа начнется рабочий день, — сказал он своим обычным, совещательным голосом, но с какой-то новой, хриплой нотой. — Тебе нужно: душ, сон, смена одежды, крепкий кофе и... — он запнулся, будто подбирая самое нейтральное, необходимое слово, — и завтрак.

Он стоял в дверях, освещенный сзади холодным светом гостиной. Я сидела на диване, закутанная в плед, и смотрела на него. Тело все еще гудело, мышцы ныли, на бедрах под тканью пульсировали синяки — следы от его пальцев.

— В гардеробной на первом этаже есть одежда, — добавил он, не глядя на меня. — Размер тебе подойдет. Завтра у нас совещание в двенадцать. Выспись.

— У тебя есть отдельная гардеробная с женской одеждой моего размера? — я усмехнулась. — Ты всегда так готовишься к ужину или это была спецоперация?

Он наконец повернулся.

— Я всегда готов к любому сценарию, — ответил он ровно. — Это называется стратегическое планирование.

— А разрыв платья — это стратегическая ошибка?

— Это была тактическая победа, — уголок его губ дрогнул. — Смотри на результаты, Лера. Ты здесь. Ты не ушла.

— Я же без одежды, Марк. Куда мне идти?

— Могу предложить несколько вариантов, — он скрестил руки на груди, прислонившись к дверному косяку. — Первый: ты идешь в гардеробную, выбираешь что-то из коллекции, которую я, по твоему мнению, подготовил для спецопераций. Второй: ты остаешься в пледе и

идешь спать. На первом этаже есть несколько гостевых комнат. Выбирай любую, — добавил он после паузы.

— А третий вариант?

— Третий? — он приподнял бровь. — Третий тоже есть. Мы напиваемся и вообще никуда не идем.

— Ты предлагаешь мне прогулять работу? — я усмехнулась. — Ты же помнишь, что у нас завтра совещание с инвесторами? Будет странно, если мы оба заболеем и не придем.

— Знаю, поэтому и не предлагал, — он покачал головой. — Это ты меня вынудила озвучить третий вариант. Но мне нравится, что даже сейчас ты не можешь перестать думать о работе. Я говорил, что слишком сильно это в тебе ценю?

— Говорил, — я приподняла бровь, — но можешь еще разочек повторить.

Он усмехнулся.

— Твоя способность не выключаться — это единственное, что спасает мои отчеты от полного хаоса, — сказал он, и в голосе зазвучала знакомая насмешка. — И единственное, что делает тебя совершенно невыносимой на совещаниях.

— Это я-то невыносимая?

— Ты. Когда начинаешь спорить с партнерами, которые тебе не нравятся. Когда задаешь вопросы, на которые никто не хочет отвечать. Когда смотришь на меня так, будто я пропустил ошибку в квартальном отчете.

— И часто я так на тебя смотрю?

— Всегда, — он покачал головой. — Даже сейчас.

— Ну нет... — я усмехнулась. — Точнее, сейчас, может, и да. Ты же предлагаешь мне прогулять работу вместо того, чтобы готовиться ко встрече с инвесторами. Мне нужно проверить презентацию, внести правки, и убедиться, что все готово к совещанию. И да, я удивлена. Куда же делся мой строгий начальник, который всегда думает только о работе, цифрах и сводках?

— Лера, — он перебил меня, и в его голосе прозвучало что-то новое. — Сейчас четыре часа утра. Ты в моем пентхаусе, в моем пледе, с красными следами на бедрах. И ты говоришь мне про отчеты...

Я замолчала.

— Вот и я о том же, — он кивнул. — Выпись. Завтрак в семь. Совещание в двенадцать. Отчеты подождут.

Он развернулся и вышел.

Я осталась одна. Смотрела на дверь, за которой он исчез, и чувствовала, как внутри медленно оседает то странное, чему пока не было названия.

Я поднялась, прошла в душ. Горячая вода смывала с кожи его запах, следы нашей битвы. Я стояла под струями, глядя, как вода стекает по телу, оставляя чистую, новую кожу.

Завернувшись в полотенце, вышла в гостиную. Гардеробная оказалась за неприметной панелью у стены. Я открыла дверь, пробежалась взглядом по вешалкам — рубашки, брюки, платья — и потянулась к полке, где лежали сложенные футболки. Выбрала первую попавшуюся, серую, мягкую на ощупь.

Натянула ее. Футболка оказалась великовата, сползала с плеча, но в ней было тепло и... спокойно.

Я нашла гостевую спальню — дверь оказалась рядом с гардеробной. Легла в чужую кровать, натянув одеяло до подбородка. Ткань футболки пахла свежим бельем и чем-то еще — тем же деревом, что и плед. Запах его дома.

Было 4:47.

Я закрыла глаза. Завтра будет новый день. И, кажется, новый сценарий, которого не было ни в одном моем плане.

**3 октября 2025. Конференц зал. Через несколько часов после совещания.
Лера.**

Солнечный свет, проникающий сквозь панорамные окна конференц-зала, казался насмешкой. Он резал глаза, и каждое движение головы отзывалось глухим стуком — напоминанием о вчерашнем алкоголе и... обо всем остальном. Я сидела напротив Марка, и между нами на полированном столе лежала папка. Не та, что валялась на полу его гостиной рядом с моим порванным платьем, а другая. Толще. С официальными печатями.

Марк был безупречен. Темно-синий костюм, безупречно повязанный галстук, взгляд ясный и сосредоточенный. Ничто не выдавало в нем того живого человека, который еще вчера срывал с меня одежду с животной жадной и проспавшего всего 4 часа. Он был снова моим боссом. Холодным, расчетливым стратегом.

— Я внес последние правки, — его голос был ровным, деловым. Он отодвинул папку ко мне. — Условия просты. Публичный брак сроком на три года. Полная лояльность и поддержание образа идеальной пары на всех официальных мероприятиях. Взамен — повышение до партнера и десять процентов акций дочерней компании после окончания срока договора.

Я медленно открыла папку. Брачный контракт. Я знала, что он будет. Мы обсуждали это вчера, до виски и пентхауса. Но видеть его распечатанным, с сухими юридическими формулировками... это было иначе. Это было реально.

— Пункт семнадцатый, — я провела пальцем по тексту. — «В течение срока действия договора обе стороны обязуются избегать любых связей, компрометирующих репутацию пары». Это включает...

— Это включает любые романтические или сексуальные связи на стороне, — он закончил за меня, его взгляд был непроницаемым. — Полная моногамия. Для видимости. Нарушение влечет за собой немедленное расторжение договора и финансовые санкции с обеих сторон.

Мое сердце на мгновение замерло. «Любые связи». Вчера это казалось абстракцией. Сегодня эти слова обрели вес. Они наглухо закрывали дверь в мою личную жизнь на три года вперед. Любой мимолетный роман, любое увлечение, любая возможность встретить кого-то... все это теперь было под запретом.

— Жесткие условия, — проговорила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Это бизнес, — он пожал плечами. — Мы оба понимаем, что поставлено на карту. Партнерство с «GL Trade» — это лишь начало. Недостаточно появиться со своей невестой на одном мероприятии. Наш быстрый разрыв влечет за собой клеймо похуже холостяка-трудоголика: он легкомысленный, невыносимый, если ему тяжело построить личные отношения, то что будет с деловыми... Я предлагаю справедливую цену за твое время и... лояльность.

Он был прав. Цена была более чем справедливой. Партнерство. Акции. Положение, о котором я могла только мечтать. Все это в обмен на три года жизни в красивом фасаде.

Я посмотрела на него. И увидела не партнера по сделке. Я увидела причину ломоты в мышцах, источник синяков на бедрах, автора этой странной, пустой ясности в голове. Между нами лежала не стена договора. Лежала общая, физическая правда той ночи — реальная, как боль, и необъяснимая, как сон. И теперь нам предстояло с этой правдой жить, притворяясь, что она укладывается в пункты брачного контракта.

— Хорошо, — я выдохнула, беря ручку. Ее холодная металлическая поверхность была похожа на приговор.

— Уверена? — его вопрос прозвучал тихо. Не как сомнение, а как последняя проверка.

Я кивнула, не доверяя своему голосу. «*Это просто бизнес*», — твердила я себе. «*Три года. И ты будешь свободна. И богата*».

— Есть еще условия. — его голос остановил меня, когда ручка уже почти коснулась бумаги. Я подняла взгляд. — Не прописанные в контракте, но обязательные для исполнения.

Я медленно опустила ручку.

— Какие еще условия?

— Первое. Ты переезжаешь ко мне. Мой пентхаус — наша официальная резиденция. Это не обсуждается.

Его тон не оставлял пространства для маневра. Это был не вопрос, а констатация факта.

— Второе. У нас будут отдельные спальни, но мы обязаны проводить вместе не менее четырех вечеров в неделю. Ужины, приемы, просто присутствие в одном пространстве. Для отработки образа.

Я слушала, чувствуя, как с каждым его словом реальность происходящего обретает новые, четкие и безжалостные очертания.

— А что насчет... личных границ? Вчерашний вечер... — я запнулась, подбирая слова. — Это будет частью контракта? Или... скорее исключением?

Он откинулся на спинку кресла.

— Я не вижу смысла отказываться от чего-то, что приносит взаимное удовольствие, если это не мешает работе. Но это не обязанность. Твоя спальня — твоя неприкосновенная территория. Никаких ожиданий, никаких обязательств. Все строго по желанию.

Его слова принесли странное облегчение, смешанное с легким напряжением. Он оставлял дверь открытой, но ясно давал понять — эта дверь ведет не в сердце, а в нечто сугубо физическое и временное.

— То есть мы будем... соседями? С опциональной близостью? — уточнила я, пытаюсь сохранить хоть каплю самоиронии.

— Если хочешь так это назвать, — уголки его губ дрогнули. — Мы будем, как и раньше, партнерами в бизнесе и, ситуационно, в постели. Но наши личные пространства и решения остаются за нами. Ты не обязана. Я не обязан. Все просто.

— Отлично, — Я кивнула на документ. — Теперь можно подписывать.

Я подписала. Он подписал. Без поздравлений, без рукопожатий. Просто обменялись папками.

— Переезд в субботу, машина приедет к тебе в 12 часов, — он поднялся. — Будь готова.

Он уже сделал шаг к двери, его спина — прямая, непроницаемая стена в идеально сидящем костюме. И что-то в этой окончательности, в том, как легко он переключался с обсуждения их совместной жизни на деловой тон отбывающего начальника, заставило меня открыть рот прежде, чем я успела обдумать вопрос.

— Марк, подожди.

Он замер, не оборачиваясь.

— Если бы я вчера сказала «нет» у двери, если бы я ушла... ты бы нашел другую кандидату на эту роль к сегодняшнему утру?

Тогда он повернулся. Медленно. Взгляд — холодный, аналитический, сканирующий мое лицо в поисках подтекста.

— Половина офиса давно думает, что мы спим вместе. — Он произнес это ровно, без интонации, просто констатируя факт. — Для меня других кандидатур не существовало, Лера.

В его глазах стояла та самая стальная убежденность, что хоронила на корню любые споры на планерках. Он сделал едва заметную паузу, и в уголке его рта дрогнула тень ухмылки — невеселой, почти циничной.

— Но не для Ирины Викторовны, разумеется. Она предложила Софию. Прямая цитата: «У нее приличные сиськи и нужные связи». — Он чуть склонил голову, и в его взгляде вдруг вспыхнуло что-то острое, знакомое — вызов. — Но я предпочитаю работать с проверенными активами.

Он вышел. Дверь за ним закрылась беззвучно, оставив в тишине кабинета лишь эхо этих слов — сначала безапелляционных, потом откровенно язвительных.

Я осталась сидеть одна, глядя на свою подпись. Проверенный актив. Не невеста, не женщина, не партнер — актив. И все же... в его словах была странная честность. Он выбирал не по материнскому списку, а по своему. Не на идеальную с точки зрения партнерства Софию, а на ту, с кем он провел тысячи рабочих часов, сотни встреч и одну странную и пугающую ночь. Это было лестнее любой любовной декларации и в тысячу раз страшнее.

Я получила все, о чем мечтала с точки зрения карьеры. И почему-то чувствовала себя так, будто только что продала что-то гораздо более важное. Что-то, чего даже не успела по настоящему узнать. Что-то, что пахло океаном и обещало коктейли с двумя зонтиками...

Глава 12. Урок доверия

Олдвуд. 16 октября 1641 год.

Мне пятнадцать. Лето стояло знойное, медвяное, и воздух в хижине был густым от запахов сушеных трав и тихой, сосредоточенной силы. Тетя Аглая сидела у очага, ее пальцы перебирали стебли полыни, но взгляд был устремлен куда-то далеко, вглубь времени или памяти.

— Подойди, Азизе, — позвала она меня, не поворачивая головы.

Я под села к ней на корточки, прижавшись коленями к прохладному камню очага. Она отложила полынь и взяла мою руку в свои, шершавые и теплые, как кора старого дерева.

— Сегодня мы будем говорить о самом хрупком и самом опасном из всего, что есть в мире, — ее голос был тихим, но каждое слово падало в тишину с весом камня. — О доверии.

Она разжала мою ладонь и положила на нее небольшой, гладкий камень цвета речного ила.

— Доверие похоже на этот камень. Кажется прочным. Надежным. Им можно высечь огонь, им можно защититься. Его можно отдать в руки другому.

Она мягко сомкнула мои пальцы вокруг камня.

— Но мир, дитя мое, жесток в своей непредсказуемости. Люди, что населяют его, носят в себе бури, о которых мы не знаем. Они могут быть добры утром и полны яда к закату. Их сердца — это темные леса, где легко заблудиться.

Я сжала камень в кулаке, чувствуя его твердую прохладу.

— Значит, нельзя доверять никому? — спросила я. В моей груди что-то сжалось — ведь я доверяла ей, доверяла Элоди, доверяла тихому шепоту леса.

Тетя Аглая покачала головой, и в ее глазах мелькнула бездонная печаль.

— Нет. Не доверять — значит оградить себя от удара, но и от солнечного света. Это значит построить вокруг своего сердца каменную стену и умереть от холода и одиночества внутри нее.

Она снова взяла мой кулак в свои руки и медленно, палец за пальцем, разжала его. Камень лежал на моей ладони, беззащитный и уязвимый.

— Искусство не в том, чтобы никогда не доверять. Искусство — в том, чтобы знать, кому и сколько ты можешь доверить. Одному — кончик своей нити, чтобы он помог сплести узор. Другому — свое одиночество, чтобы он разделил его молча. А третьему... — ее голос стал твердым, как сталь, — третьему не доверяй даже тени, которую он отбрасывает.

Она подняла взгляд на меня, и в ее глазах горел огонь сурового знания.

— Люди непредсказуемы, Азизе. Не потому, что они злы. А потому, что они слабы, полны страхов и желаний, которые могут перевернуть их душу в мгновение ока. Тот, кто сегодня клянется в вечной верности, завтра может предать — не из злого умысла, а потому, что его испугает твоя сила, или его ослепит чужая ложь, или он просто окажется слишком слаб, чтобы выдержать тяжесть твоего доверия.

Она снова заставила меня сжать кулак вокруг камня.

— Поэтому, когда ты решаешь довериться, делай это с открытыми глазами. Смотри не на слова, а на дела. Не на улыбки, а на тени в уголках глаз. И всегда, всегда оставляй часть себя — самую главную, самую сокровенную — в безопасности. Ту часть, что позволит тебе выжить, если твой камень доверия разобьется о чью-то жестокость или слабость.

Я сидела, держа в руке тот самый камень, и чувствовала, как ее слова входят в меня, как корни, — болезненно, но навсегда. Это был не урок цинизма. Это был урок выживания. Урок о том, что сердце нужно охранять не меньше, чем родник у дома, и что доверие — это не бездумный дар, а стратегический расчет, цена ошибки в котором — твоя собственная душа.

— Я так поступила, потому что знаю, как мир жесток, — тихо сказала тетя Аглая, отвечая на мой невысказанный вопрос. — И потому что люди вокруг бывают непредсказуемыми. Наша сила — в умении чувствовать эти бури заранее. И в мужестве доверять, даже зная о риске. Но только тогда, когда разум и интуиция говорят в унисон.

Она коснулась моего лба.

— Запомни это, дитя мое. И когда придет время выбирать, кому вручить свой камень... выбирай так, будто от этого зависит твоя жизнь. Потому что так оно и есть.

Глава 13. Стекло и пепел.

16 октября 2025 г.

Лера

Как же легко было забыться.

Зал сиял, как отполированный до блеска процессор. Хрустальные люстры сверкали с точностью диаграммы Ганта, а гул голосов напоминал фоновый шум успешного IPO. И посреди этого безумия мы с Марком были своим собственным, идеально отлаженным миром.

— Смотри, слева, — он наклонился ко мне, его губы почти коснулись моего уха, и от этого по спине пробежали мурашки. — Холдинг «Вектор». Их CEO, кажется, вот-вот лопнет от зависти. Ты видела его лицо, когда объявили результаты тендера?

Я сделала глоток шампанского, наблюдая за тем самым мужчиной, который походил на раздраженного бульдога.

— Еще бы. По моим расчетам, его кровяное давление сейчас превышает квартальную прибыль его компании. Жаль, мы не можем выставить ему счет за моральный ущерб, нанесенный нашей аудитории. Хотя... — я повернула в руках бокал, наблюдая как пузырьки поднимаются к поверхности, — ...мой отдел мог бы проработать и этот вопрос.

Марк тихо рассмеялся — низкий, искренний звук, который я слышала от него все чаще.

— Уверен, наш финансовый отдел готов принести тебе клятву верности. Или, наоборот, бежать в панике. Еще не решил.

— Пусть бегут, — парировала я. — Это отличный тест на стрессоустойчивость. Не прошедших сразу отправляем в маркетинг к Софии — генерировать креатив и закалять волю.

— Безжалостно. — В уголках его глаз заплясали знакомые веселые чертики. — Хотя... эффективно... Кстати, об эффективности. — Он слегка наклонился ко мне. — Старый Семенов пялится на твоё платье с таким видом, будто оно фигурирует в его отчетности о прочих расходах.

— Пусть считает, — я грациозно повернулась, давая тому самому Семенову полюбоваться спиной, открытой почти до поясницы и украшенной тончайшей серебряной нитью. — Оно ровно во столько же и обошлось, во сколько ему обошелся тот скандал с нашей дочерней компанией в прошлом квартале. По иронии судьбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.